

ПЁТР ДУБЕНКО

**ВСЁ ЦАРСТВО
ЗА КОНЯ**

Петр Дубенко

Всё царство за коня

<https://litres.ru/74674934>

SelfPub; 2026

Аннотация

1584 год. Пятнадцатилетний Иван Воргин готовится стать новиком – поступить на государеву службу и получить земельный надел, чтобы избавить большое семейство от нужды и лишений.

Однако в самый канун долгожданного события умирает грозный царь. В стране назревает передел власти, и юноша становится жертвой произвола сильных мира сего. В поисках правды он отправляется в Москву, а там, сам того не желая, попадает в паутину дворцовых интриг и кровавых козней.

Содержание

Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	37
Глава четвёртая	56
Глава пятая	74
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Петр Дубенко

Всё царство за коня

**БАСИЛИИ
ШУЙСКИЙ**

**НИКИТА
РОМАНОВ**

**БОГДАН
БЕЛЬСКИЙ**

**БОРИС
ГОДУНОВ**

**ИБАН
МСТИСЛАВСКИЙ**

ИБАН ФЕДОРОВИЧ

**АНДРЕЙ
ШЕРЕФЕДИНОВ**

**ПЕТР
ГОЛОВИН**

**ВЛАДИМИР
ГОЛОВИН**

**АНДРЕЙ
ЩЕКАЛОВ**

**БАСИЛИИ
ЩЕКАЛОВ**

КРЕМЛЬ. XVI ВЕК

1. ДВОРЕЦ БЕЛИКОГО КНЯЗЯ
2. КОЛОКОЛЬНЯ ИВАНА БЕЛИКОГО
3. ДВОР МСТИСЛАВСКИХ
4. ДВОР БОРИСА ГОДУНОВА
5. ДВОР БЕЛЬСКОГО
6. ДЯКОВЫ ПАЛАТЫ
7. ТАЙНИЦКИЕ БОРТА
8. ЖИТНЫЙ ДВОР

МОСКВА - РЕКА

НЕГАЙНАЯ

СОБОРНАЯ
ПЛОЩАДЬ

ИВАНОВСКАЯ
ПЛОЩАДЬ

ТРОИЦКАЯ

ЖИТНИКАЯ

СЛАССКАЯ

АЛЕВИЗОВ РОВ

ТИМОФЕЕВСКИЕ
БОРОТА

ФРОЛОВСКИЕ
БОРОТА

НИКОЛЬСКИЕ
БОРОТА

ПОЖАР (КРАСНАЯ ПЛОЩАДЬ)

Глава первая

Всё детство, что казалось ему нескончаемо долгим, Иван Воргин с нетерпением ждал, когда же наступит пятнадцатый год его жизни – год, в который всё должно перемениться напроочь, и после чёрной полосы в десяток лет длиной судьба его, обязательно выйдет в бескрайнее белое поле.

Когда в далёкой Ливонии, где-то под Колыванью сгинул мелкий дворянин Савва Иванович Воргин, мать, беременная в пятый раз, получила на вдовый пожиток¹ лишь десятину от поместья мужа. Без кормильца большой семье пришлось не сладко, а Иван, который к восьми годам стал в роду старшим мужчиной, само собой, хлебнул много больше, чем на общий круг выпало трём младшим братьям и сестрёнке.

Избавить их от нищеты могло лишь одно средство – верстание Ивана. Каждый год на второй неделе вликого поста из столицы приезжал особый человек – окладчик. Он записывал местных новиков² в служилые десятины и каждому определял земельный надел, исходя из пригодности к службе мо-

¹ Вдовый пожиток – часть поместья, которое выделяли вдове погибшего на службе дворянина для содержания оставшейся семьи.

² Новик — молодые люди из дворян, которые в 15 лет поступали на военную службу и за это получали от государства во временное пользование земельные наделы, то есть помещались на землю, откуда и пошли понятия поместье, помещик.

лодого человека и заслуг его предков. Вот почему в двадцатый пятый мартовский день тысяча пятьсот восемьдесят четвёртого года Иван Воргин отправился в Звенигород, чтобы поступить на службу, получить в поместье землю и навсегда забыть про голод, нужду и лишения.

Из Вязём он выехал ещё затемно, когда небо на востоке только начинало розоветь, и чуть подтаявший санник едва различался в полутьме весеннего рассвета. Одна часть арчи-мака³ была заполнена овсом – мать выгребла последние запасы, ибо мерин Сивка, вдвое старше Ивана, без подкорма не вынес бы дороги. В другой половинке дорожной сумки лежал кусок пирога с капустой и грибами, чтобы за десять вёрст пути Иван тоже мог подкрепиться. А ещё ржаные сухари, варёная репа и маленький мешочек толокна, дабы в городе не тратить на обед скромных сбережений. Их без того могло не хватить на посул⁴ приказным чинам и подати в государеву казну.

В кошеле у Ивана звенела дюжина полушек; под истёртой стелькой в каждом сапоге лежало по новгородке; в подкладку заячьей шапки мать зашила половинку гривны. Но главную ценность Иван прятал на груди, под нательной рубахой, наглухо застёгнутым кафтаном и старым армяком, дважды

³ Арчимак — перемётная сумка, состоящая из двух отделений, соединённых между собой. Конструкция позволяет перекидывать арчимак через круп лошади и с удобством перевозить вещи на коне.

⁴ Посул – взятка.

опоясанным верёвкой вместо ремня. Это были два свитка. Один – выписка из разрядной книги Вязём о том, что дед его Иван Андреевич Воргин был повёрстан в здешних краях полвека назад. За неё Иван отдал писарю два десятка яиц, и принёс мороженого гуся помещному дьячку, чтобы тот казённой печатью заверил грамотку на гербовой бумаге. При этом целую полтину⁵ пришлось заплатить за старый исписанный листок – на его обратной стороне отставной столичный чин, как-то раз переживавший в их деревне выюгу, записал Ивану те места из уложения о службе, что могли бы пригодиться при верстании. По словам знающего гостя, приговор Стоглавого собора, что состоялся целых двадцать лет назад, давал помещным людям много привилегий, но до сих пор истинную пользу приносил он лишь дворянам из столицы. А вот вдалеке от Москвы помещики хоть и слышали, конечно, краем уха про какие-то уставы, но толком про них ничего не знали – пухлая увесистая книга на всю Русь имелась только одна. И хранилась она в царском дворце, в особом сундучке под надёжными замками, откуда пару раз в год её доставали только для того, чтобы дать почитать думным дьякам, собравшимся в Грановитой палате для решения важных государственных вопросов. И потому в глубинке, откуда до царя и бога одинаково далече, воеводы, что большей частью были из старых боярских родов, толковали новые законы, как хо-

⁵ Старорусские серебряные монеты, отличавшиеся весом: полушка – 0,17 г.; новгородка – 0,68 г.; гривна – 6,8 г.; полтина – 34 г.

тели. Одни поступали так из косности и привычки, другие по злему умыслу и корысти. Взывать к совести тех и других не имело смысла, а вот приструнить их помогало лишь одно средство.

— Как ткнёшь им сей бумажонкой в нос, да как скажешь, дескать, право своё ведаешь и, коли надо будет, так в Москву челобитничать станешь, так их будто подменяют. Вот увидишь. — Объяснял старый чиновник, за обе щёки уплетая яства, что могли кормить семейство целую неделю. — Тады не токмо, что положено дадут, но ещё и сверх добавят. По страху. Дабы умилистить тебя. Так что не жадничай, хозяин. Уж поверь, полтину это я по-божески прошу. Ибо тебе записка эта много боле даст. С ней не токмо сто четей⁶ получишь, как все, но и как пить дать ещё десятину в пристяжку дадут. А как же? Тебе положено, ибо батя твой покойный претерпел за государя. А за многочисленность семейства, в особь, за братьев младших, ещё деньгами вспоможение положат. Они ведь через пару лет тоже в новики дворянские пойдут. А служилый государю нынче надобен как никогда. Так что будет вспоможение. Пять целковых, и не мене.

Услышав это, Иван едва не задохнулся от восторга. Сто с лишним четей земли: поля, пастбище и лес для заготовки дров. А может, попадёт ещё берег реки с бобровым гоним или рыбной ловлей. Тогда уж вовсе красота. Да ещё пять се-

⁶ Четверть (четь) — мера площади пахотных земель в старинной русской системе мер. Известна с конца XV века и официально употреблялась до 1766 года.

ребряных рублей в придачу. При таком богатстве он не только рассчитается с семейными долгами и купит в городе всё нужное для нового поместья, но ещё на сдачу привезёт матери с сестрой гостинцы, коих те не видели уж много лет.

С трудом читавший по слогам, Иван на зубок затвердил шесть строк, написанных почерком мелким и плотным, и всю дорогу повторял их про себя, чтобы потом, когда настанет время говорить перед московским дьяком, не сбиваться и не мямлить. За десять с лишним вёрст он повторил всю запись двадцать восемь раз, и в последних пяти пробах ни разу не запнулся. Так что к городу он подъезжал веселый и уверенный в успехе, ещё не зная, что неделю назад в Москве великий князь и государь всея Руси Иван четвёртый, сын Василия, прозванный Грозным, отдал богу душу.

Подозревать что-то он начал только на посаде. В Поречье – большом селе на правом берегу Москвы-реки – жизнь шла привычным чередом. На крестьянских дворах детвора соскребала с раскисшей земли подтаявший снег; у скотных сараев сутились бабы в армяках, заляпанных навозом; с околицы, где в ряд стояло несколько бараков, ветерок доносил шум мастроты: грохот кузнечных молотков, скрежет плотницких тёсел и скрип гончарного круга. Вдоль дуги стылого русла меж свежих лунок бродили рыбаки, волоча за собой ожерелья из рыбёшек на кукане.

Но вот звенигородский пригород, где в изгибе речной петли теснились дворянские усадьбы, дома мастеровых и тор-

говые лавки, встретил непривычной тишиной. Прежде на здешних улицах всегда бурлил водоворот прохожих, а рынок шумел так, что Иван, оказавшись там впервые, взаправду боялся оглохнуть. Теперь же, свернув к торговой пристани на устье Жерновки, Иван едва насчитал там десятков продавцов, а на трёх верстах от моста до проезжей башни детинца людей он встретил только дважды. В нижней, прибрежной части посада, двое слуг спешили закрыть ворота особняка, и, увидев всадника, засуетились так, будто каждый миг промедленья грозил им страшной мучительной смертью. А уже у самого подножия холма, где стоял детинец, полдюжины горожан собрались в тесном проулке и горячо спорили о чём-то, но едва заметив приближение чужака, все тут же замолчали, и пока Иван ехал мимо, мёртвую тишину нарушал только хруст снега под копытами Сивки.

Детинец же, куда дорога по крутому склону вела спиралью в три крутых изгиба, вовсе опустел, словно невиданная хворь за ночь скосила всех обитателей разом. В тесных проходах улиц тихо посвистывал ветер. Житные амбары, где казённый народ обычно сновал с раннего утра, теперь были закрыты и на дверях висели замки. Даже нищие пропали с паперти Успенского собора, где прежде они просили подаяний даже в лютый январский мороз. И только на крылечке приказной избы о чём-то сдержанно шептались трое караульных.

От них-то Иван и узнал скорбную новость.

— Так что зря приехал ты, малец. — Подытожил корот-

кий рассказ старший стражник. — Не будет нынче верстаный. Так-то.

— Как это не б... Бу.. Будет? — Переспросил Иван, растерявшись настолько, что на последнем слове даже начал заикаться.

— Да вот так. Не будет и всё. — Ратник пожал плечами, отчего под запахнутым кожухом тихо звякнула кольчуга. — Не до того нынче стало. Поперву, кады едва прознали, вроде всё ещё спокойно было. А нынче спозаранку гонец прибыл. И что привёз, про то не ведаёт никто. Подъячим нашим грамотку оставил, и далё поскакал. А тут всё с ног на уши встало. Заславский, окладчик, то бишь, из Москвы, тут же в путь засобирается. Видал, возок уже в готовности давно.

Главный караульщик кивнул в сторону конюшни, где у распахнутых ворот калымажного сарая стояли сани, запряжённые тройкой молодых коней.

— В Москву? — Зачем-то спросил Иван.

— Хех, не доложил. — Ехидно усмехнулся другой страж, который всё это время сидел на широких перилах и промасленной тряпицей усердно натирал древко пики, лежавшей на его коленях.

— Вот-вот. — С улыбкой поддержал его старший, после чего продолжил прежним серьёзным тоном. — А наши-то чины с москвичом в главном покое собрались да изнутри заперлись. По сю пору всё об чём-то рядят, судят, а уговор, видать, не даётся.

— Не иные головы ломают, как тебя, важнеця такого, оберстать бы правильной. — Снова вставил ратник с пикой, не отвлекаясь от работы.

Его товарищи ответили на шутку сдержанным смешком и злость, мгновенно закипев в душе Ивана, от недавнего смятения не оставила следа. Он провёл ладонью по груди, дабы убедиться, что грамоты на месте, и шуршание бумаги под одеждой помогло укрепить его решимость. Спрыгнув из седла, Иван шагнул вперёд и нарочито резким движением намотал поводья на опорный столб навеса, для себя отрезав путь к отступлению, а стражникам дав понять, что уходить не намерен.

Он уже сунул руку под армяк, чтобы достать памятку бывшего дьяка, но в этот миг тягуче скрипнула дверь, и в открывшемся проёме показался высокий тощий старик с длинной козлиной бородкой, что отливала серебристой белизной на фоне чёрного кафтана. Он так медленно шёл и надсадно вздыхал на каждом шагу, будто волок за собой тяжкий груз на незримых глазу постромках. Но стоило ему переступить порог и оказаться на крыльце, как все трое караульных встрепенулись, и даже насмешник тут же забыл про пику, замерев в ожидающей позе.

— Ну, чего, Степан Степаныч? Как? — С затаённой надеждой спросил тот, что говорил с Иваном.

Прежде, чем ответить, старик долго смотрел в тёмное небо, где в хмурой пелене облаков едва заметным жёлтым

пятном виделось солнце.

— Плохо всё. — Наконец, выдал он, болезненно морщась и ладонью потирая грудь с левой стороны. — Коли уж средь нас, где, почитай, свои все, родные, и то ладу нет. Так чего в Москве твориться буде-е-ет... Подумать страшно.

— А чего делят-то? — Спросил шутник, откладывая пику. Чиновник только отмахнулся. Потом, будто спохватившись, сунул руку под полу кафтана, и достал кусок чёрной ткани в аршин длиной.

— Никита. — Обратился он к старшему стражу, протянув ему тряпицу. — Надо бы знак монастырникам подать.

Никита понимающе кивнул и повернулся к ратнику, что с виду был моложе всех.

— Юрка. Давай-ка дуй на колокольню, да этак там повесь, дабы отовсель видать было. Уразумел?

Парнишка взял отрез так осторожно, словно тот был сделан из тончайшего стекла, и припустил к звоннице Успенского собора. Её купол поднимался к небу выше всех других построек и даже при плохой погоде был виден на пять-шесть вёрст. И уж тем паче с башен монастыря, что стоял на Сто-рожевой горе в версте от Звенигородского детинца.

Проводив Юрку тревожным насупленным взглядом, Степан Степанович повернулся к оставшимся стражам и заговорил так тихо, будто боялся, что их кто-нибудь услышит.

— Боюсь, не кончится добром. Поперву долго не могли решить, кто всё же царём будет. Слух ходил, дескать, сам

Иван Василич перед смертью хотел малютку Дмитрия в замест Фёдора оставить. Ну, коли тот малость не того... — Подьячий сделал вид, что поправляет шапку, но меж обычных движений быстро поводил пальцем по виску. — Да тут митрополит против стал. Вдова-то, Мария Нагая, царю ажно восьмой женой была. То бишь, по церковному закону не жена вовсе, а так... Береха, шкирля, прости господи. А коли так, выходит, сын её, хоть и царской крови, а всё же байстрюк и на стол сесть не вправе.

— Ишь, как повернулось. — Озадаченно протянул Никита, и даже шутник с пикой качнул головой.

— Да уж. Знатно, говорят, с царём покойным разругались. Да Дионисий всё же пересилил. — Продолжил свой рассказ подьячий. — Словом, нынче, Фёдора царём объявят. А дабы трон под ним не качался, Нагих из Москвы гнать станут. Ну, а те, само собой, без боя не дадутся, за царские подачки крепко будут держаться.

— Да уж ясно, кто ж добром отступит. — Подтвердил Никита и добавил, вздохнув. — А тады уж без крови не быть.

— Да ведь это полбеда токмо. — Печально возразил Степан Степанович. — Тут ещё вон чего открылось. Коль скоро Фёдор по слабоумству сам править не способен, так при нём Иван Василич завещал совету быть. — Подьячий растопырил пальцы и принялся загибать их, перечисляя. — Мстиславский, Шуйский, Никита Романыч Юрьев и Бельский Богдан, как покойного царя любимец. Четверо. Чуете, братцы, чем

пахнет?

— Охо. Насажали пауков в короб, нынче токмо жди, как жалиться начнут. — Подытожил Никита, качая головой.

— То-то и оно. С одного боку три князя разом. Они художников дворовых бояр даже издаля на дух снести не в силах. А уж посреда себя, в совете царском, и подавно не стерпят. А с другого бока Бельский. Он в обрат, с низов на опричнину вознёсся. У него от старых родов скулы сводит так, ажно зубы скрипят. И по опричным делам на нём столь княжеских опал и крови... Господи помилуй.

— Так чего ж он один против трёх сможет?

— Один-то он, конечно, один. — Подьячий выразительно цокнул языком, давая понять, что всё не так просто. — Да за Бельским стрелецкий приказ. Все стрельцы под ним нынче. А коль скоро тех тоже из подлых людей на службу брали, так супротив князей они за Бельского стеной встанут.

Степан Степанович замолчал, хмуро глядя на носки своих сапог, и Никита вспомнил про Ивана, что так и стоял у крыльца.

— Ну, слыхал, чего тут ждётся? А ты... Верстанье.

— А это кто почто? — Опомнившись, спросил старик.

— Да это вот... — Начал было Никита, но Иван выпалил поспешно.

— Иван Савич Воргин. Из Вязём в новики верстаться прибыл.

Старик удивлённо крякнул и растерянно посмотрел на

Никиту. Тот только пожал одним плечом.

— Битый час про то же толковал ему. — Сообщил Никита, словно извиняясь. — А он всё едино об своём талдычит.

— Коль своей головы нет, чужую не приставишь. — Между делом вставил насмешник.

— Ступай-ка ты домой, Иван Воргин. — Вздыхнул Степан Степанович. — Нынче всем тут не об этом будет.

— Да как же не об этом? — Возмутился Иван. — По уложению о службе... Это... Стало быть.

Он наморщил лоб, стараясь вспомнить слова, что повторял всю дорогу, но теперь, когда для них пришло время, они скрылись где-то в закоулках памяти и не желали выходить оттуда.

— Словом, обверстать меня должны. Так в законе сказано.

Густые брови старика резко взметнулись вверх, потом медленно поползли обратно и сошлись концами над носом.

— Ишь ты, в законе. Должны. — Печально хмыкнул он и вздохнул так тяжело, будто потратил на эти слова последние силы. — Что ты закон ведаешь похвально. Пользительное дело. Токмо не к часу вспомнил про него. Слышал ведь, что я сказывал нынче? Когда такая буря подступает, у всех чинов одно на уме токмо. Чем всё завтра обернётся, да как с тем впросак не угодить. А потому никто нынче делать ничего не станет. Не по закону, не супротив него. Никак. Ибо нынче по закону сделаешь, а на завтра из Москвы в другую сторону по-

дует. И того, кто прежним законам верен был, ать... Пинком под одно место. А то ещё в застенок попадёт. Это уж как повернётся. Потому не будет никто делом заниматься. Покуда там... — Старик закатил глаза и ткнул указательным пальцем в крышу крыльца. — Не решится, как и чему дале быть. Так что езжай-ка ты домой, малец. Обгоди покуда с этим. Месячишко. Лучше два.

— Да не могу я годить! — Выпалил Иван и в порыве даже шагнул на первую ступеньку. — Ведь март уж на дворе. Чуть мало да пахать приспееет. А мне допрежь того на новой-то земле столь всего сделать надоть, ажно кругом голова. Коли токмо в мае обверстаюсь, не поспеть тады. А без урожая ошамшись, как зимовать станем? Мы же всем семейством с голоду помрём. Так что нет, обгодить не дело. Нынче же верстаться мне пристало.

— А ты погоди маленько. — Посоветовал насмешник, снова взгромождаясь на перила. — Вот щас окладчик выйдет, ты ему пожалься. Глядишь, проймёт его, так он все дела бросит и тобой займётся. А как же по-другому?

— Ну, будет зубоскалитель-то. — Не зло, но строго оборвал его подьячий. После чего снова обратился к Ивану. — Я, малец, тебя, конечно, понимаю, и в другой час сам бы за тебя похлопотал. Но нынче... Послушайся совета. Ступай домой нынче, а я тебя запомню, и как в мае приедешь, так мы что-нибудь промыслим. Ну?

Иван шмыгнул носом и нервно почесал скулу.

— Так ведь сам ты говоришь, мол, не ведает никто, как завтра будет. — Нерешительно начал он. — А ну как, в мае уж сам из подьячих слетишь? Что тогда? Да и всё едино зыбко как-то, без земли. Так что я всё же окладчику челом бить стану. Вдруг чего выйдет.

Степан Степанович вздохнул и развёл руками.

— Ну, вот что, умник. Пшёл-ка вон отсель своим ходом. Поколь взашей гнать тебя не приказал. — И, качнув головой, добавил сокрушённо. — Для твоей же пользы.

Иван посмотрел на него ошеломлённо, и пока собирал в голове растерянные мысли, дверь приказной избы вдруг распахнулась так резко, будто её не открыли, а выбили изнутри ударом ноги. На крыльцо вышло три княжеских гридня: все в соболиных шапках единого кроя и красных сапогах с загнутым носом, а на груди у каждого красовался цветом шитый герб Заславских. На поясах с серебряной застёжкой висели сабли в бархатных ножнах и прямые кинжалы с густой позолотой на рукоятях.

Молча, даже не глянув на подьячего и стражу, гридни сбегали по лестнице, едва не сбив на крайней ступени Ивана, который лишь в последний миг успел прильнуть к перилам. Сразу же все трое поспешили к запряжённым саням, а на крыльцо вышел дородный мужчина с настолько необъятным животом, что его не могла скрыть даже свободная шуба, а борода лежала на округлом выступе почти параллельно земле. При его появлении, стражники не просто вскочили с мест, но

ещё сорвали с голов шапки, и даже Степан Степанович вместе со всеми склонился в глубоком поклоне. Князь принял эти знаки почтения лёгким кивком, и, чуть заметно улыбнувшись, протянул подьячему руку для поцелуя. Чиновник не сразу, но всё же припал губами к большому перстню на указательном пальце, после чего осторожно поправил задрывшийся рукав княжеской шубы.

— Доброй дороги, Василий Петрович. – Разгибаясь, сказал он, и про себя Иван отметил, что даже голос подьячего переменялся, из грубого зычного баса стал высоким и тонким. – Да не забудь уж про нас слово молвить. Дескать, как все, так и мы. Мол, против ветра нам плевать резона нету, ну, и всё такое, что положено сказать.

— Ладно. – Снисходительно пообещал Заславский, после чего шагнул к лестнице.

Степан Степанович подал стражникам знак, чтобы помогли князю спуститься, но тут перед ним возник Иван. Он неумело поклонился, чуть не выронив при этом шапку, и разогнулся так резко, что с трудом устоял на ступени.

— Это кто ещё таков? – Спросил Заславский, недовольный задержкой.

— А это так, Василь Петрович, чудодей здешний. – Поспешил объяснить подьячий, схватив Ивана за рукав. – Ты на него не глянь. И чего говорит не слухай.

— Иван Савич Воргин. – Выпалил Иван, изо всех сил упираясь, чтобы подьячий не сдвинул его с места. – Новик из

Вязём. За окладом прибыл и прошу обверстать, как про то в уложении о службе говорится.

Степан Степанович зажмурился, словно его слепило солнце, спрятанное в тучах. А потом, беззвучно ругнувшись только движением губ, сделал стражникам знак. Тут же шутник и Никита схватили Ивана за локти и увлекли по ступеням вниз.

В это время у крыльца остановились сани. Один из гридней сидел на облучке, закутавшись в длинный тулуп, а двое других верхом на вороных конях гарцевали чуть поодаль. Стражники спихнули Ивана в ближайший сугроб и тут же поспешили к лестнице, дабы поддержать князя, что медленно и грузно шагал по ступеням. Однако Иван, быстро поднявшись, бросился к саням и, встав у откидной подножки, широко раскинул руки:

— Не губи, Василь Петрович. Коль не дашь оклада, пропадёт семейство. Так что не могу уйти я без верстанья. — Иван выдохнул до рези в пустых лёгких, а потом снова набрал полную грудь и выпалил как одно слово. — А коли нет, так я за правдой в Москву пойду. Челобитничать там стану.

Василий Петрович Заславский на миг опешил и, округлив глаза, взглянул на Ивана как волк, должно быть, смотрел бы на зайца, вздумай тот угрожать серому расправой. Потом князь вдруг презрительно фыркнул и только жестом, без слов потребовал, чтобы дерзкий мальчишка проваливал прочь.

Тут же сыромятный витедь стеганул Ивана по плечу, вырвав из армяка кусок шерстяной ткани. Иван тихо вскрикнул, и не успел опомниться, как подкованный каблук ударил его в ухо. Он рухнул на снег, не понимая, что случилось. В глазах помутилось от боли, к горлу подступила тошнота. А рядом уже возникли двое верховых и прямо из седла принялись размашисто стегать ногойками распластанное тело. Иван собрался в комок, боясь угодить под конские копыта, ладонями закрыл уши и, сведя локти, спрятал за ними лицо. Удары сыпались непрерывно, обжигая острой болью даже через три одежды.

— Так его, так. — Уже сидя в санях, приговаривал князь, пока возчик укрывал ему ноги меховой накидкой. — А то ишь чего, гляди-ка. Челобитничать он будет. Возомнил, будто былые времена теперя? Вам, шелупони дворянской, всё ещё заступь царёва есть? Ан, не-е-ет уж, псина. Нынче дерзости вашей конец. Погуляли, хватит. Дале всё по старине пойдёт, как прежде было. Так что ты сей урок запомни и скажи спасибо, что живой остался. Не досуг нынче тобою заниматься, не то ещё поучил бы.

Заславский откинулся на резную спинку сиденья и раздражённым жестом велел вознице трогать поскорей.

— Да гони шибче. — Распорядился он и добавил, смачно плюнув в сторону Ивана. — Без того задержались позря.

Раздался пронзительный свист. Кони нетерпеливо всхрапнули и сани, дёрнувшись, резко сорвались с места.

Всадники, тут же забыв про несчастную жертву, устремились вслед господину, и едва они скрылись за углом ближайшего строения, Степан Степанович первым бросился к Ивану.

— Цел, малец? — Участливо спросил он, помогая сесте на истоптанном снегу с россыпью кровавых пятен.

Один раз пятихвостый конец плётки всё же попал между воротом и шапкой, отчего кожа на шее лопнула и плоть разошлась широкой раной.

— Ну, как? Обверстался, дурень? — Со злой усмешкой спросил шутник, но Степан Степанович зыркнул на него с угрозой.

— Цыц мне тут. Лучше помоги в седло забраться. Убираться тебе надобно отсель. Да, не мешкая, чтоб спехом. Не то нынче кто из наших углядит, как вышло, да решит добавить, дабы князю угодить. Вот, дескать, я каков прислужник, оцени Василь Петрович. Так что, давай-ка, не рассядся.

Стражники подняли Ивана и подвели его к Сивке, который испуганно прыдал ушами и жался к стене. Лишь с третьего раза Иван дрожащей ногой попал в стремя. Никита посадил его в седло, а шутник намотал поводья на правую руку.

— Всё, гони отсель, малец. — Попрощался с ним подьячий. — Да после свечку поставь, что живой остался.

Никита ладонью увесисто шлёпнул по крупу коня и Сивка, взбрыкнув недовольно, затрусил к белокаменной глыбе Успенского собора, где под золочёным шаром на верхушке

колокольни ветер яростно трепал чёрное полотнище.

Глава вторая

— В Москву?!

Мать зажала рот ладонью, будто боялась продолжить, и не села, а рухнула на лавку. Иван понял это по жалобному скрипу старых досок. На мать он не смотрел: короткую речь говорил, глядя в пол, и даже замолчав, не решился поднять глаз – так и замер понуро во главе стола, где на совет собралось всё семейство. Слева на узкой короткой скамье теснились все три брата, а справа, одна на длинной лавке, где поместиться могло бы полдюжины взрослых, сидела сестра Анна. Едва они уселись, Иван первым делом раздал городские гостинцы, и теперь младшие Воргины только делали вид, что слушают серьёзный взрослый разговор. Не по годам рослый и тощий Алелька – старший после Ивана – остатками молочных зубов увлечённо грыз печатный пряник с ягодным вареньем. Средний – Павлуня, как с любовью называла его мать – бережливо, по чуть-чуть кусал малиновый леваш⁷ и долго жевал потом каждый кусочек. Последыш Макаренька, от наслаждения прикрыв глаза, лизал разноцветный карамельный шарик. А вот Аннушке – почти девушке не выданье – подарок достался несъедобный: она с горящим от восторга взгля-

⁷ Леваш – старинное русское сладкое блюдо из ягод, разновидность пастилы. Представляло собой тонкий лист из отваренных и подсушенных ягод, напоминающий традиционную пастилу или мармелад.

дом водила пальчиком по ярко-синей ленте для косы.

На покупки эти Иван потратил половину сбережений, но сейчас, глядя на довольные лица братишек и сестры, он об этом не жалел. А вот на большую кружку кваса, горку ржаных сухарей и уже остывшую кашу в глубокой глиняной миске посматривал с неодобрением, пусть и не хотел показывать вида. Скромное угощение из последних семейных запасов стояло на другом конце стола перед единственным гостем. Глава крестьянской общины Ерофеич – коренастый мужичок с лысой до блеска макушкой и густыми рыжими кудрями на висках – примостился на краешке маленькой посидёнки, и, сложив на коленях руки с крупными узлами вен под загрубевшей обветренной кожей, мял в них старый заячий треух.

Его внезапный визит не удивил Ивана. Вчера старый конь доплёлся на окраину Вязём, уже с трудом переставляя ноги. Так что Ивану пришлось заехать на ямской двор, дабы одолжить овса, ибо дома не осталось даже пары зёрен. А там целовальник Куприян вцепился в него с расспросами, будто клещ в собаку. Поводов для этого хватало: слишком быстрое возвращение, свежий синяк на лице и рваная рана на шее. Иван хотел было отмолчаться, но очень быстро понял, что недомолвки лишь подогреют интерес и послужат почвой для самых нелепых додумок. А потому всё рассказал без утайки. Конечно, в тот же вечер обо всём узнала жена Куприяна, для которой носить сплетни по деревне давно стало любимой забавой. И потому не приходилось сомневаться: в Вязёмах уже

каждый знал, дескать, Ивана Воргина мало что не обверста-ли, да ещё избили так, что он вряд ли доживёт до утра. Так что едва на пороге появился старшина, Иван сразу понял, почему он пришёл к ним в дом без приглашения. Но вот за-чем, пока догадаться не мог.

— В Москву. — Повторила мать на этот раз так тихо, что Иван едва расслышал её голос за гудением разгоравшейся печи.

Сизый дым густо валил из открытого горнила, у потолка собирался в жидкий клубок, и тонкой прядью тянулся к во-локо́вому оконцу над верхним венцом сруба. На улице сви-стел ветер. Он бился в стены и окна, будто хотел ворваться внутрь и о чём-то предупредить хозяев.

Иван всё ещё не смотрел на мать, но точно знал — она так делала всегда, переживая — что та сейчас теребит в тон-ких скрюченных пальцах узел на подбородке, отчего много раз штопанный домашний плат медленно сползает с головы и на лоб в паутине глубоких морщин выбивается жидкая се-дая прядь. Первый белый волос появился в когда-то густой и чёрной копне пять лет назад, когда Настасье Андреевне вот только что исполнилось двадцать семь. Теперь же, в трид-цать два, незнакомые люди часто принимали ещё молодую женщину за глубокую старуху.

— Ну, чего ж делать-то, коли так выходит. Делать неча. Надо ехать. — Тихо произнёс Иван и, наконец, решился под-нять глаза.

Мать сидела на широкой лавке у глухой торцовой стены. Справа от неё под угловой божницей с иконами в матерчатом окладе стоял окованный сундук, где хранилось всё семейное добро. Другой угол занимала колёсная прялка, а над ней, с потолка свисал домовой — голова без рук и ног, но с угольками глаз и бородой из золотистых стебельков соломы.

— Так, может, правда, обгодить? — Оживилась мать и даже чуть подалась вперёд, как будто хотела тут же, не медля, броситься к сыну. — Тот подьячий человек, небось, бывалый. Видать, сказывал не зря. Ведал, что да как там бывает у них. И добрый, по твоим словам к тому же. Не то что ентот... Гусь столичный, чтоб ему пусто стало. Заморочил тебе голову, с панталыку сбил сказкой про московские законы. Ему то что? Полтину взял, да уехал. Иным дурням ума давать. А ты с его милости вот, полюбуйся, во что влип.

Иван прикусил губу. За десять вёрст обратной дороги он возвращался к этой мысли сотню раз, и после каждой новой попытки убедить себя в том, что не мог сделать иначе, он начинал лишь больше в этом сомневаться. А ближе к дому уже вовсе на чём свет стоит корил себя за безрассудную горячность.

— Может, не поздно ещё? — С надеждой спросила мать, словно прочитав мысли сына, и от того, как слёзно дрогнул её голос, у Ивана защемило сердце. — Езжай, повинись. Дурень, дескать, зелёный. Бес попутал с неразумия. Поклонись ему в пояс, а надо будет, так и в ноги упади. Не переломишь-

ся, чай, стерпишь. Глядишь, и простят, чего уж. Ну, коли даже в мае обверстают, так что нам за беда? Не успеем распахать к лету, так озимые посеём. А холода с пожитка моего протянем. Семь лет ведь как-то справлялись.

— Да нет, мать, не протянем. — Упавшим голосом ответил Иван. — Пожиток тебе прежде полагался, поколь без кормильца была. А нынче, как мне дадут поместье, так у тебя землю сразу того.

— Ох, ты, господи, да как же? — Женщина бессильно уронила руки, но тут же встрепенулась. — А вспоможенье. Хоть рубль дадут коли, так хватит нам всё же. С прежним запасом попржимистей будем. Из рухляди продадим кой-чего. Да вот хоть и платок новый. Куприянихе продам. Она возьмёт, упрошу её по дружбе. Мне он всё едино некуда. Напрасно ты его купил. И на другое тоже серебро позря истратил.

При этих словах Анна накрыла ленту ладонью, будто боялась, что мать отнимет у неё подарок брата. Павлуня тоже спрятал руку с левашом под стол, а Макаренька спешно записал в рот остатки леденца. Иван невольно улыбнулся и подмигнул Алельке — тот продолжал спокойно грызть пряник.

— Так что забудь ты про эту Москву, сыночек. Бог милостив, с его помощью сладится всё. А уж как получишь землю... Верно говорю, Ерофеич?

Но едва она договорила, как Ерофеич вдруг встал так поспешно, что и сам не успел подхватить лежавший на коленях заячий треух и тот, бесшумно скользнул на пол.

— Э-э-эм... Иван Савич это... Ну... Пых-ф... Тут-кась вот чего, Настасьяндревна. — Он никак не решался начать и тянул каждое слово в стонущий распев. — У вас оно, конечно, свой резон, помещицкий. Но у нас-то свой, мужицкий. И мне, как старшине, за общину думать пристало. А потому... Ну, вот... Словом, нам годить никак не можно. Ещё по зиме келарь монастырский на ихню пашню звал. А это ну... Сам ведаешь чего. Посколь промеж нас уговор был, так я того... Отказ им дал. Дескать, мы при Воргиных уж долго, мол, от добра добра не ищут, ну, и всё такое.

Он тяжело сглотнул и, морщась, пальцами растёр кадык. Подхватил со стола кружку и осушил её одним длиннющим залпом. Отдышавшись, продолжил:

— Но коль скоро нынче так выходит, что вам весеннего посева не видать... Нет, так мы не могём. Нам без яровых не сдюжить. А потому, такое дело, стало быть... Ну, словом... Тады уговор наш того... Ну, не того стало быть. — Наконец, подойдя к главному, Ерофеич выпалил без единой запинки. — Словом, ждать мы не смогём. И коль скоро в ентот месяц землю не получишь, так ты извиняй, конечно, Иван Савич, зла не держи, но мы к монастырю уйдём.

— Да как же?! — Настасья Андреевна всплеснула руками и хотела вскочить, но, покачнувшись, снова села и ухватилась за край лавки, чтобы не упасть.

Обе ладони положив на сердце, она зажмурилась со стоном. А когда, переждав внезапное затмение, вновь открыла

глаза, на бледные впалые щёки тут же хлынули слёзы. Настасья Андреевна попыталась что-то сказать, но не нашла нужных слов и с надеждой посмотрела на сына. Но тот беспомощно пожал плечами. А что он мог сделать? За последние три года в их округе половина дворян осталась без смердов: одни общины в поисках лучшей доли уходили за Камень⁸, где новичков на первые десять лет освобождали от тягла; другие шли под Казань, а то ещё дальше – в Сибирь, где тучной земли было вдоволь, а государевых людей, наоборот; а тех, кто не решался покинуть родных мест, переманивал к себе Сторожёвский монастырь.

В опричном пожаре сгинуло много князей. Их вотчины перешли в казну, и оттуда продавались за бесценок, ибо война в Ливонии и оборона южных рубежей требовали денег. Но серебро в достатке для таких покупок водилось только у монахов. Так что на людском горе божья обитель богато разжилась землицей и теперь со всей округи собирала на неё крестьян. А те шли с радостью. Ведь обельные грамоты позволяли церкви не платить налоги и не давать людей для государевой посохи. Тогда как с дворянских общин каждый год драли в пользу царя четверть урожая, и забирали на бесплатные работы два десятка смердов.

Так что пахарям на церковной земле жилось куда сытнее да спокойней, а перейти в монастырские крестьяне для любой общины считалось большой удачей. И Ерофеич, полу-

⁸ Камень – старое просторечное название Уральских гор.

чив такое предложение, должен был не сомневаться, а сразу ко всем чертям послать молокососа, который даже не имел поместья. Но вместо этого он, рискуя общиной, согласился ждать, чем кончится всё дело. Да такого старшину Иван не то, что не имеет права упрекать – он на него молиться должен дважды в день.

— Ну, видишь, как выходит. – Сказал Иван нерешительно и тихо, словно просил прощения за то, что оказался прав в итоге. – Так что надобно ехать. Придётся. Коль Ерофеич нас бросит, другú общину где приищем? А коль в первый год землю не вспахать, так следующей весной смотр будет, и отберут поместье. А нас, в смерды определяют всем семейством. Дело ли? Так что надобно ехать. Как ни крути, а придётся.

— Так ведь куды ехать-то? – С надломом простонала мать. – В Москву! А это... Она ведь... Ведаешь, чего там? Там такое... Москва, словом.

Женщина махнула руками и замотала головой, не в силах выразить словами, что она думает о далёкой никогда не виденной столице. Из трёх сотен жителей окрестных деревень в белокаменной довелось побывать лишь целовальнику Куприяну, да его жене. И по их красочным рассказам выходило, что Господь всемогущий когда-то не стёр с лица земли Содом и Гоморру, как сказано было в писании, а просто перенёс их в здешние леса и дал новое название.

— Так я ж не за тем. – Иван смущённо улыбнулся. Он тоже краем уха слышал Куприянихины байки и потому прекрасно

понял, что имела в виду Настасья Андреевна. — Я ж за делом еду.

Но его возражение лишь подзадорило мать:

— То-то и оно. Думаешь, так просто челобитничать в Москве? — Тонкое измождённое лицо исказила злая усмешка. — Ага, ждать тебя там будут с грамотой твоей. Всем городом встречать к воротам выйдут. Да токмо чтоб в приказ попасть, ведаешь, сколь серебра потребно? — Настасья Андреевна перед собой подняла длинную жилистую руку и стала загибать пальцы. — Сторожа́м дай, писарю поднеси, подьячего ублажи, да ещё пошлину не забудь в казну. Видал? А ты чего же? И ту малость, что годами собирали, всё на глупости извёл.

— Ну, не всё. — Иван попытался оправдаться. — Чутка осталось всё же.

— Чутка. — Горько усмехнулась Настасья Андреевна. — Да в Москве у прохожего дорогу без платы не спросишь. Куды ж ты со своим чутком сунуться подумал? Ой, да что тут говорить? Прежде, чем посулы раздавать, туды ещё доехать надоть. А это тридцать вёрст. Тридцать! Да ещё, небось, с гаком.

— Да откуда? Чуть не вполовину меньше будет. — Возразил Иван, хотя точно знал, что от околицы Вязём до столичного посада по столбовой дороге ровно тридцать две версты.

— Это ж день пути без передыху! — Продолжала Настасья Андреевна, будто не слышала слов сына. — Разве Сивка сдю-

жит? Он, вон чего, глянь. Два десятка вёрст прошёл, так до сих пор очухаться не может. Кое-как ногами шевелит. А ты снова в путь, да на полсотни вёрст к тому же. Куда ему такое вынести?

— Так не спеша поеду, гнать не буду. — С робостью встал Иван. — И перед тем роздых дам, подкормлю маленько.

— Подкормит, гляньте на него. — Оправдания Ивана лишь распаляли мать ещё больше. — Чем скажи на милость? Сами в хлеб солому добавляем.

— Сено есть. Да и вот ещё... — Иван замолчал, прикусив губу, но понимая, что сознаться всё-таки придётся, чуть погодя продолжил. — У Куприяна пуд овса взял.

От изумления мать потеряла дар речи, и заговорить смогла лишь после трёх судорожных вздохов:

— Пуд овса?! Отдавать чем станешь? Ну-кась, признавайся. Сколь этот живоглот на барыш запросил? Треть, небось, не меньше.

— Нет, токмо четверть. — Поспешил ответить сын, но отвёл при этом взгляд, ибо знал, что по глазам мать безошибочно определит враньё.

— Четверть? — С недоверием переспросила Настасья Андреевна. — Ой, ли. Чтоб Куприян весной всего четверть лихвы за овёс брал?

— Так я обещался в дороге ему пособлять, а он за то обычную меру скостил. — Нашёлся Иван.

Он понимал: ни за что нельзя признаться, мол, на самом

деле за один пуд взятого сейчас овса через месяц он должен вернуть Куприяну целых полтора. Прожжённый делец, видя, что выхода у парня нет, без зазрения совести вогнал его в такую кабалу. Но узнай сейчас об этом Настасья Андреевна, она потребует вернуть зерно немедленно. А тогда про поездку в Москву можно забыть. Так что сейчас лучше было соврать. Конечно, позже правда выйдет наружу, но к тому времени Иван уже получит надел доброй земли и мать поймёт, что он был прав, когда по доброй воле дал себя ограбить.

— В дороге пособлять? — Испуганно спросила Настасья Андреевна. — Так ты что же, с Куприяном едешь?

— Ну, да. У него на дворе нынче обоз торговый встал. С утра трогаться хотят. Вот я и напросился. Всё же веселее вместе, да людей лихих не так страшно. Верно ведь?

— Утром?! А чего ж мы сидим тады, лясы точим? — Настасья Андреевна вмиг преобразилась, из убитой горем женщины став деловитой хозяйкой. — Ну-кась, бездельники, бросайте сладиться. Макаренька, бежи в амбар, капусты с огурцами нагребь из бочки. Павлуня, бери ведро да к проруби ступай, а ты, Алелька, дров подруби да баню затапливай. Пушай братец помоется в дорогу. Не куды-нибудь всё же едет. В Москву. Анна, а ты муки отсыпь да тесто для бухоней заводи.

Всем раздав распоряжения, сама Настасья Андреевна подошла к домовёнку у ткацкого станка и быстро нащипала у него из бороды три длинных стебля. Потом ловко сплела их

в золотистую косичку с торчащими хвостами. Встав перед божницей, она перекрестилась, прося прощения у иконы, и обломанным ногтем подцепила размахрѣнный шов на тыльной стороне тряпичного оклада. Выудив длинную нить, пропустила её меж соломин и связала концы узелочком. По её знаку, Иван поднялся и склонил послушно шею. Мать повесила на сына оберег и прошептала наговѣр. Закончив, печально улыбнулась и кивнула удовлетворѣнно – по древним поверьям этих мест такой оберег не просто хранил человека в дороге, но и помогал непременно вернуться домой. А без него даже бывалый путник мог заплутать в трёх соснах и сроду не найти дорогу в отчий край.

— Благодарствую, матушка. – Тихо произнёс Иван. – А Сивка сдюжит, ты не беспокойся.

Глава третья

В путь они вышли ещё до рассвета. Подпиленный диск ущербной луны ещё виделся бледным пятном в просветлевшем небе, а караван из десятка розвальней уже растянулся вдоль Иванова ручья, что тонкой серебряной жилкой рассек мороз осевших и подтаявших сугробов.

Что Сивка не выдержит долгого пути, стало ясно уже на третьей версте, когда после затяжного спуска они достигли леса и дорога узкой просекой, прямой, как натянутая нить, пошла в подъём. Он был пологий, совсем незаметный для глаза, но старый конь почти сразу начал отставать от последних саней. А возница меж тем даже не погонял лошадёнку, тогда как Иван часто пускал в ход шпоры – в ответ на каждый укол мерин жалобно стонал да потряхивал заиндевелой гривой, но шага не прибавлял.

Повозка убегала вперёд так быстро, что вскоре её очертания вовсе растворились в мутной пелене рассвета. Ещё с полверсты Иван слышал приглушённый скрип полозьев, но потом он тоже стих и покой дремлющего леса нарушали лишь натужный хрип Сивки и шорох его копыт, утопавших в рыхлом снегу. Так что Иван, начисто потеряв надежду догнать обоз, решил сделать привал в первой же попавшейся деревне.

Когда санник выбрался из леса, меж куполом неба и зем-

лёй как раз показался тонкий розовый пропласток. Вскоре первый луч солнца, ещё заточённого в холодном склепе ночи, скользнул по верхушкам деревьев, и в мутном свете несмелой зари на сером полотне заснеженной равнины зачернела расплывчатая клякса. Когда Иван подъехал ближе, пятно это превратилось в рубленую церковь с деревянной маковкой на колокольне, усадьбу за частоколом из толстенных брёвен и три десятка крестьянских домов под соломенной крышей.

Иван узнал Перхушково – большое придорожное село. И ещё на подъезде к нему, Иван вдруг различил в бледно-розовом тумане утра десяток неподвижных саней. Они жидкой цепью растянулись вдоль дороги, что широкой дугой огибала деревню справа, проходила вдоль жердяной ограды крайних дворов, и затем под острым углом смыкалась с просёлком, что с другой стороны околицы глубокой узкой колеёй петлял между сугробов.

Головные сани обоза трёх сажень не добрались до развилки, где среди гор снежного отвала стояло семеро конных при саблях и длинных казацких пиках. Один из них, выехав чуть вперёд, с равнодушным видом слушал Куприяна, который стоял перед ним в распахнутом тулупе и без шапки. Ямской смотритель нервно мял треух в руках и со страдальческой миной говорил что-то умоляющим тоном, завершая каждую фразу тяжким горестным стоном. Всадник молчал. Стоячий ворот кожуха скрывал его подбородок, так

что подъехавший ближе Иван разглядел только густые брови, что у переносья срослись в одну чёрную полосу, да глубокий шрам на правой щеке – от мочки уха до краешка губ.

— Ну, всё, будет причитать ужо! – Раздражённо вздохнул всадник, когда Куприян ненадолго умолк. – Тебя нынче пустишь, развалюхи ваши колею займут, так после обойди вас, спробуй. Чего тады прикажешь? Чтоб боярин мой до самой Москвы хвостом вашим плелся? Негоже так будет. Так что не бухти, сермяга. Жди.

Он натянул поводья, чтобы развернуть коня, но Куприян в порыве последней надежды схватил сбрую.

— Ну, ты, мужичьё, куды руки тянешь?! – Грозно рыкнул всадник и зубами сдёрнул рукавицу с правой руки, где вместо мизинца торчал короткий искорёженный обрубок.

Тут же одним стремительным движением он выхватил плётку из голенища. Куприян коротко вскрикнул, отпрял и, закрыв лицо руками, по-щенячьи заскулил в ожидании удара.

— Вот то-то. – Сквозь зубы процедил всадник и довольно усмехнулся, отчего шрам на щеке, едва заметный прежде под щетиной короткой бородки, проступил безобразно выпуклым рубцом. – Жди, покуда добром ждётся. А не то...

Он взмахнул плёткой и кожаный витень со свистом обрушился на ближайший сугроб, взметнув над ним вихрь снежной пыли. Куприян невольно попятился в страхе, пока не упёрся спиной в собственные сани. Всё так же криво улы-

баясь, всадник неспешно сунул плётку в голенище и сделал странный необычный жест: подняв руку к лицу, он словно ковырнул указательным пальцем в носу и добытое там щелчком запустил в Куприяна. Хохотнув, кмет рывком натянул поводья и направился к развилке.

— У-у-ух-х-х. — Выдохнул Куприян и, запустив руку под тулуп, прижал ладонь к сердцу. — Ей-ей, со страху чуть не помер.

— А чего он так? — Спросил Иван, торопясь сойти на землю, чтобы дать Сивке отдых.

Даже сквозь толстую попону он ощущал дрожь конских боков, а на каждом выдохе с губ мерина падал сгусток красноватой пены.

Куприян тряхнул кудрями и злым рывком с такой силой натянул шапку, что затрещали швы.

— Не пушает, ждать велит.

— Это вижу. А почто?

Прежде, чем ответить, ямской целовальник с опаской посмотрел вслед кмету, что уже вернулся к развилке и там под смех товарищей рассказывал о стычке с глупым мужичьём.

— Почто? — Куприян невольно перешёл на шёпот, хотя услышать его кметы не могли. — Тутошний хозяин из Нагих. Сам Семён Фёдорыч, царской вдовицы дядя. Потому, вишь ли, тоже нынче на Москву спешит.

— Из Нагих? — Удивился Иван. Он живо вспомнил разговор у приказной избы звенигородского детинца, и довольный

тем, что может проявить осведомлённость, добавил с важным видом. — Несладко им придётся нынче. Погонят их с тёплых мест.

— Тихо ты, дурень. Думай, чего говоришь-то. — Зашипел Куприян и так потянулся к Ивану, будто хотел одной рукой зажать ему рот, а второй схватить за горло. Задержав дыхание, он быстро покосился на развилку, потом посмотрел вокруг и даже с подозрением взгляделся в один из сугробов, словно там мог прятаться кто-то. И только после этого продолжил так тихо, что сам себя, казалось, слышал с трудом. — А вот погонят, аль нет, сие поколь бабушка надвое кажет. Бельский-то Богдан нынче дюже много власти взял. А он малютке Дмитрию, дядька всё же. Сам Иван Василич покойный воспитателем назначил. Так что скovyрнуть Нагих не так просто будет.

Последние слова Куприяна потонули в трубном рёве сигнальных рогов. Их густой басовитый раскат проплыл над крышами домов, за околицей по застывшим волнам снежного моря устремился к лесу, но сорвался с речного обрыва и гулким эхом запрыгал по льду. Слабевший отголосок ещё гудел где-то в изгибах русла, а из глубины проснувшейся деревни ему на смену уже лился звон десятка бубенцов, что отбивали стройный ритм конской рыси. Вскоре меж дворов замелькал крытый возок, запряжённый длинным цугом. За ним потянулись верховые — три десятка шли друг за другом плотной колонной. Им вослед лаяли псы, и тревожно мыча-

ла скотина.

Возок выскочил на большак, пролетел развилку, даже на миг не сбавив хода, и устремился к лесу, над которым как раз в этот миг показался краешек бледного солнца. Растянувшись длинной вереницей, всадники скакали следом; из-под копыт летели грязно-белые комья и воздух мутнел на глазах от молочной дымки снежной пылицы. Замыкал кавалькаду тот самый кмет со шрамом на щеке. Чуть задержавшись на развилке, он повернулся к ждавшим обозникам, окинул их презрительным взглядом с искринкой насмешки в глубине карих глаз, и повторил свой странный жест. Потом хохотнул, обнажив жёлтые кривые зубы, пришпорил скакуна и помчался остальным вдогонку.

Куприян, что всё это время стоял окаменевшим изваянием, едва боярская свита скрылась из вида, вполголоса выдал длинную тираду из отборного мата и в довершение смачно плюнул на дорогу. Потом поспешно влез на передок саней, подобрал вожжи и даже легонько их встряхнул, чтобы взбодрить лошадей, замёрзших в долгом простое.

— Ну, давай, родимые, поедем с богом.

Он поднял поводья и уже приготовился свистнуть, но тут взглянул на Ивана. Тот поставил ногу в стремя, но в седло садиться не решался, ибо мерин, несмотря на передышку, всё ещё хрипел и дрожал боками.

Куприян сокрушённо качнул головой и вместо свиста протяжно выдохнул через нос.

— Может, тебе здесь на постояль встать лучше? — Предложил он и, отвернувшись, сконфуженно добавил. — Не то, гляжу, коняке вовсе тяжко будет. А мы ждать не станем. Не можем. Нам дѣтемна в городе быть надоть. И тебя, чаго случись, посадить не сможем. Видал, гружены как. Так что...

Иван лишь прикусил губу и ничего не сказал, чтобы дрогнувший голос не выдал обиды. Но Куприян на свой лад истолковал это молчание и, приняв его за проявление сомнений, оживился, заговорил гораздо громче и быстрее:

— А то езжай домой вовсе. Нет, правда ведь. Ну, что тебе приспичило в Москве ентоу? Нынче там такое завариться может, господи помилуй. Добрым людям от неё подале бы держаться, дабы голову сберечь. Я бы сам туда ни в жизнь, да вот служба проклятушая, будь она не ладна. А без нужды я б эту Москву за сто вёрст кругом обходил. И тебе, Вань, нынче туда ни к чему. Про челобитие задумка это же... Ты уж прости, но глупость это всё. Так, грёзы пустые. Как же, ждут тебя там дьяки. Да они знаешь... А уж нынче и подавно. Так, что возвращайся, Вань, а?

Иван слушал сбивчивую речь, и смятение в душе нарастало. Доводы Куприяна были не новы. Со вчерашнего дня всё то же самое Иван уже много раз слышал от матери и соседей, а за бессонную ночь сам себе повторил не единожды те же слова. Но если прежде ему доставало душевных сил, чтобы гнать от себя все сомнения, то теперь, вдали от дома, на опасной дороге да ещё с измотанным конём, бывшая решимость

таяла в нём, как сосулька под весенним солнцем. И потому, чувствуя, что если Куприян не замолчит, продолжит уговоры, так он не выдержит, даст слабинку, Иван рывком прыгнул в седло и твёрдо отрезал:

— Нет. Надо мне в Москву. Так что трогай, тянуть неча.

Уже через две версты Иван пожалел о таком упрямстве. Пока от Перхушково дорога шла под гору, мерин с горем пополам держал ход обозных лошадей. Но за Юдино большак снова потянулся вверх и на каждой пройденной цепи⁹ Иван, как не старался, а всё же отставал на пару сажений. На третьей версте подъема, что казался просто бесконечным, мерин стал под каждый сделанный шаг качать головой: поднимая ногу, он сильно пригибал шею вниз, словно чему-то кивал, но опуская копыто на землю, вскидывал морду так, будто хотел увидеть небо. Иван знал, что это нехороший признак, и продолжил путь лишь потому, что вдали уже виднелось Одинцово. Там ещё при выезде Куприян наметил долгий привал, так что Иван надеялся, что опять сможет дать коню отдых.

Но к тому времени солнце вышло в самый зенит до синевы прозрачного неба. Без того разбитый зимник размяк до снежной каши, и каждый новый шаг по нему требовал чуть не вдвое больших усилий, чем предыдущий. Мерин окончательно сник и от околицы села в его центр Иван пробирался так долго, что когда выехал к лобному месту, его как раз по-

⁹ Цепь – старорусская мера длины $\approx 106,68$ м.

кидали последние сани обоза.

Глядя на резвый бег казённых лошадей, Иван понял, что больше гнаться за ними не сможет. Правда, он проделал уже половину пути, так что возвращаться тоже не имело смысла. И потому Иван решил остаться в Одинцово. За длинный мартовский вечер и целую ночь Сивка мог бы прийти в себя, а утром, глядишь, нашёлся бы другой попутчик. Ивана ведь в Москве не ждали, и прибудет он туда сегодня или на следующий день – значения не имело.

Но хозяин единственной конюшни столько запросил за теплое стойло и торбу овса, что уплатив такую цену, Иван остался бы с одной полушкой. А в столичных приказах со слов Куприяна без платы даже самый мелкий чин пальцем не шевельнёт. Так что про постой пришлось забыть, однако ночевать под небом он тоже не мог – дни уже дарили ласковым теплом, но после заката на землю ложился по-зимнему крепкий мороз и начинал лютовать ветер. Сам Иван мог бы пережить одну ночь непогоды, но истощённому коню такое испытание вряд ли оказалось бы по силам. Так что, поразмыслив, Иван засыпал в торбу овса, сам тоже подкрепился кое-чем из домашних припасов, и когда солнце перевалило зенит, двинулся дальше, надеясь всё же хоть ночью достичь окраины столицы.

Поначалу это казалось возможным. По всей Подушкинской чащобе мерин хоть и шёл с поникшей головой, часто прядая ушами, а всё же держал шаг и даже два больших при-

горка осилил почти без одышки. Но когда вдали за Матвеевским лесом в первых отблесках заката ледяной жилой сверкнула Сётунь и дорога широкой дугой пошла вправо, сторонясь кунцевских дубрав – страшных языческих мест, где до сих пор правили Мокошь и Перун – конь захрапел и стал жадно тянуть морозный воздух ноздрями. А потом, за Каменной Плотиной в устье Раменки тракт потянулся к Поклонной горе. Оранжевый диск солнца потемнел и до половины вплавился в горизонт; густые сумерки сошли на землю и всё вокруг – леса, деревни, русла рек и лоскуты заснеженных полей – всё это растворилось в одном чёрном пятне, так что серая лента санного пути, пробиваясь сквозь чернильный мрак размашистым зигзагом, казалось, убегала прямо в небо.

С каждой пройденной саженью мерин всё больше опускал уши вбок, всё натужнее хрипел и с тихим присвистом раздувал ноздри. Он стал чаще запинаться на гладкой, как стекло дороге, а уже почти на самой вершине вдруг копытом зацепил невидимую кочку, сильно пошатнулся вправо, едва не завалившись на бок, потом раскачкой пошёл влево, заплетаясь в собственных ногах, и у обочины едва не рухнул брюхом на сугроб. С трудом устояв, он замер в широченной раскоре, и больше не смог сделать ни шагу. Дёрнулся несколько раз в слабой попытке, но дрожащие ноги словно примёрзли к заледеневшему снегу.

Иван выпрыгнул из седла и обхватил мерина за шею. Од-

ной рукой приподнял край попоны и провёл ладонью по крупу — редкая шерсть покрылась белым налётом, и крупные капли пота катились по впадинам между рёбер. Ругнувшись, Иван подсел, плечом упёрся в конскую грудь, где надрывно колотилось сердце, и, стиснув зубы, насилу распрямился, помогая мерину собрать ноги вместе. Продолжая так стоять в обнимку, Иван теребил сваявшуюся гриву и бубнил вполголоса уговоры, а сам вспоминал, как Куприян описывал дорогу. Если он всё правильно понял и ничего сейчас не путал, то до ближайшей ямской слободы в Дорогомиловой низине оставалось четыре версты с маленьким гаком. Даже если идти не спеша, и при этом часто делать остановки, они всё равно могли бы оказаться там к ночи. Так что едва Сивка отдышался и перестал плевать пеной, Иван осторожно снял его голову с плеча и нежно погладил по ганашам¹⁰.

¹⁰ Ганаша — у лошади угловой край нижней челюсти.

— Ну, давай, милый, надобно идти. Не то сгинем здесь ночью. Волков тут, знаешь, скока. Да лиходеи всякие к тому же. Так что давай, милый, давай.

Иван намотал на руку поводья и, сделав два шага назад, осторожно потянул Сивку на себя. Тот дёрнул головой и так жалобно застонал, что в груди Ивана остро защемило. Ругая себя последними словами, он всё же повторил попытку, и конь сначала вытянул шею вперёд, потом чуть передвинул одну ногу, а за ней другую.

— Ну, вот, вот, давай помаленьку. – Уговаривал Иван, двигаясь спиной вперёд.

Так они прошли полщепи, но потом Сивка будто о́жил и зашагал бодрее. Иван потрепал его за холку и развернулся, чтобы видеть дорогу. Её светло-серая лента бежала вниз, а там, за тонкой полоской леса тускло серебрился крутой изгиб Москвы-реки.

Они вышли на берег как раз меж Бережковской слободой и пристанью паромной переправы. А в середине, начинаясь в узком пологом распадке, на ледяное полотно выползала сакма зимней переправы. Через русло она шла наискосок, что добавляло ей десяток лишних саженей. Но зато на другой стороне она выходила прямо к устью Помётного вражка, откуда удобной пологой ложбиной дорога вела к окраине Дорогомиловской слободки.

— Ну, вот, почитай пришли. Туды перейдём, а там уж от-

дых. — Радостно сообщил Иван.

Вскоре Москва-река осталась позади, и ободрённый Иван сам не заметил, как прибавил шаг. Сивку тоже будто подменили. Он перестал хрипеть, поднял голову и на пути от берега к оврагу нагнал Ивана, на околице села пошёл с ним вровень, а к воротам постоянного двора вовсе подошёл первым.

Правда, такой забег лишил его последних сил и за дюжину саженьей, что пришлось ещё идти до конюшни, под Сивкой трижды подогнулись ноги, а на входе он с трудом вписался в проём шириной два аршина. Задев косяк сначала правым боком, он пошатнулся и устоял лишь потому, что врезался в брус с левой стороны. Потом долго стоял, собираясь для последнего рывка, но, с трудом переступив порог, уже через три шага, совсем чуть-чуть не дойдя до кормушки, со стоном осел на задние ноги. А потом завалился на брюхо и с глухим стоном уронил голову на пол.

— Да, изрядно притомился. — Вздыхнул конюх, мрачный детина лет тридцати со свёрнутым носом и цыганской серьгой в ухе, хотя светлая кожа и голубые глаза не давали усомниться в славянских корнях.

Он погладил Сивку по выпиравшему хребту, приложил ладонь к сильно вздымавшимся рёбрам, склонив голову, прислушался к дыханию. Простонав с неподдельной жалостью и болью, он с укором взглянул на Ивана.

— Что ж ты, паря, с животиной эдак? Али сердца в тебе нету?

— Есть, чего же. Да так уж вышло. — Ответил Иван, сконфуженно потупив взор. Он шмыгнул носом, рукавом смахнул слезу, что непрошенной застыла на реснице, и обратил на конюха взор, полный отчаяния и надежды. — Выходить поможешь?

Полуцыган молча вздохнул.

— Мне в Кремль надобно по делу. — Поспешно сообщил Иван, чтобы опередить возражения. — Отсель далече будет?

— Да, почитай, вёрст пять. Может, чуть боле. — Настороженно ответил конюх, стараясь понять, что задумал странный гость.

— Я тады пешком дойду. — Радостно выпалил Иван. — Где ночевать там найду, а дня через три, ну, может, четыре вернусь. А ты покуда здесь его подкормишь, ну, и всё такое. Он в силу придёт, и мы сразу же домой. Сивка мой семижильный, ему бы тока отдохнуть чуток, а там уж. Ну? Оставляю?

— А платишь как? — Подозрительно сощутив левый глаз, конюх подался вперёд, словно хотел получше рассмотреть Ивана.

Тот замялся под пристальным изучающим взглядом. Стараясь не выдать своих мыслей, он всё же не удержался, сорвал с головы треух и нащупал в подкладке правой лопасти монетку.

— А сколь надоть за такое? — С надеждой спросил он, ощущая, как от волнения сохнет горло.

Хозяин задумчиво промычал, чёрной от въевшейся грязи

рукой взлохматил кудри на затылке, и с таким видом уставился в потолок, будто там, на стропилах были нацарапаны расценки.

— Кхм. Ну, коли так... Овёс, стойло. Обиход всяческий. Ну, и там прочее чего... — Едва слышно бормотал он. А потом откашлялся и объявил уже громко. — Стало быть, за день постоя шесть денег.

Иван выдохнул протяжно и едва не выронил треух — спрятанных там монет могло бы хватить на два дня, но тогда на все московские дела Ивану осталось бы две новгородки. А судя по рассказам Куприяна, за такую плату столичный подьячий даже перо не захочет в каламарь¹¹ макнуть.

— Ну, знаешь, я тоже не могу себе в ущерб чужих коней спасать. — Конюх без слов угадал мысли Ивана.

Иван понимающе кивнул и не смог поднять головы, бесильно уронил её на грудь.

— А в долг не поддержишь? Я уплачу, не думай. Мне как по закону всё сладят, так вспоможение дадут для новиков. Ещё, глядишь, за поруку восполнят. Так что деньги будут, отплачу с лихвой. Ну, поддержишь в долг?

— Да как же в долг такое? — Заговорил конюх словно нехотя, через силу. — Была б сие моя конюшня, так ещё потолковать бы можно. Но у меня хозяин есть, а он к такому, знаешь... Не одобрит, словом.

— Да нешто он нелюдь какой? — Вскинулся Иван. — Чтوب

¹¹ Каламарь — чернильница.

за паршивых три деньги вот эдак...

— Эге, паря, не ведаешь, об ком толкуешь. — Невесело усмехнулся конюх. — Он и за полушку не такое может. Вот был как-то случай. Гость один ему двенадцать денег задолжал. Обычное дело вроде. Постой, кормёжка, конский обиход, опять же. Да и для торговца разве ж это много? Да тока гость тоже с норовом попался. Платить ни в какую. Не по правде, говорит, считал ты. А я допустить не могу, дабы на мне обманом кто-то наживался. Так хозяин наш, улучил, кады гость по делам отъехал, да весь его товар, что у нас хранился, под замок. Щёлк. Дескать, не отдам, поколь расчёт не будет полный. Торговец, ясно дело, на дыбы. Как так, мол? Что за грабёж средь бела дня? А хозяин своё гнёт. Давай, мол, двенадцать денег, тады товар свой забирай. А инше не бывать. Ну, гость за такое осерчал, собрал подручных дюжины две и весь двор в осаду взял. Говорит, не отдашь добром, силой возьму. Мы, ясно дело, врассыпную. Нешто охота за чужой спор живота лишиться. А хозяин хоть один остался, да всё едино не сплосшал. Говорит, ну, попробуй взять меня, коли так. Сплошь сеном обложился да огниво в руки. Дескать, едва чужак на двор войдёт, запалю к чертям собачьим. Или как я сказал, будет, или сам пропаду, товар твой сожгу и слободу всю пеплом по ветру пушу. Видал, каков? За двенадцать денег в огне сгинуть готов был. А ты говоришь. — Закончив рассказ, конюх невесело вздохнул и почесал в затылке. — Так что, коли хошь коня спасти, оставь-ка плату хоть

дня на три. И тады ступай себе по делам. Но коли к сроку не вернёшься, тады не обессудь.

— Да не успеть мне за три дня. — Не сказал, а простонал Иван. — Там, бают, токмо свой черёд в приказ пройти, люди неделями ждут.

Конюх вздохнул так глубоко и тяжело, что даже Иван зажмурился от боли.

— Ладно. Коли так, куды ж деваться от тебя. Ведь свалился на башку мне тоже. — Он потряс курчавой головой и сочно ругнулся на чужом непонятном языке. — На сколь у тебя платы хватит?

— Два дня. — Едва слышно выдохнул Иван, не поднимая головы.

— Целовальник за такое, ясно дело, не погладит. А всё же. Словом, давай покуда сколь имеешь. Остальное, как назад придёшь, заплатишь. Но коли позже двух дней без денег вернёшься, коня не отдам. Хоть как проси, не отдам, и всё тут. Дабы хозяин не серчал, я ему скажу, дескать, на мясо его взял. В таком разе за него бы три гривны дали. Ежели по шести денег на день, это пять дён выйдет. Стало быть, всего, с передней платой вместе неделя. Неделю Сивка твой здесь будет. Но коль с деньгами не придёшь — всё. Тогда уж не серчай. Мяснику его сведу.

Иван вскинул голову и с дрожью в голосе пообещал:

— Приду. Принесу. — А потом присел рядом с конём и зашептал ему в ухо. — Вот тебе крест, Сивка, заберу тебя от-

сель, не оставлю. Ты, главно дело, сил наберись. И тады домой поедем.

Глава четвёртая

Остаток долгой ночи он провёл без сна, хотя глаза закрывались сами собой и на ходу подгибались колени. Для начала сбросил с мерина попону – насквозь промокший войлок стал неподъемной ношей, а прежде, чем стянуть его с лежавшего коня, пришлось ещё долго возиться с десятком подмороженных застежек. Потом они шли к стойлу и путь в три сажени Сивка на трясущихся ногах смог проделать только в пять попыток, после каждой бессильно валясь на бок и плюясь кровавой пеной. И пока конь отдыхал перед следующим рывком, Иван готовил ему воду: сходил на улицу к колодцу, наполнил там два ведра; поставил их рядом с печью в конюшнем закутке, чтобы успели согреться; а потом ещё сверху натрусил пучок сена, чтобы Сивка, всегда жадный до питья, не глотал бы залпом, а медленно цедил сквозь сухую траву.

Конюх злился, глядя на всё это. Вида он не подавал, но несколько раз настойчиво отправлял Ивана прочь, заявляя, что всё сделает сам, коль уж взял за это плату. Но Иван, соглашаясь, бросал одно дело, и тут же находил себе другое: очистить денник от старого навоза, уже присохшего к доскам пола; обновить подстилку из соломы, чтобы стала толще и лучше держала тепло; снять корыто кормушки с жердяной подставки и закрепить его повыше, чтобы Сивке не пришлось тянуться за овсом. И даже когда кончились заботы,

Иван всё продолжал крутиться вокруг спавшего коня, гладил по шее и трепал свалевшуюся гриву.

В конце концов, конюх потерял терпение и уже прикрикнул строго:

— Давай, ступай отселя, егоза. Одолею уж колготой своей. Без тебя управлюсь как ни то, мешаешь токмо. Сам говорил, мол, дел невпроворот, вот и ступай с Богом.

Когда Иван вышел с постоялого двора, в серой мгле утреннего неба ещё тлела искра полярной звезды, но в рыхлую вату облаков, за ночь намертво примёрзших к горизонту, уже брызнул розовый нектар зари и ледяной панцирь реки в его свете посверкивал серебром. Морозный воздух мигом сдул усталость, болюче ущипнул за нос, обжёг щёки и, забравшись под ворот, разлился зябкой дрожью по телу. Иван пониже натянул треух и даже связал лопасти на подбородке. Плотнее запахнул армяк, туже затянул верёвку и, набросив на одно плечо суму с остатками домашней снеди, бодро двинулся к дороге.

Заблудиться он не боялся – вдали, сквозь полумрак рассвета, подёрнутый прозрачной снежной пылью, уже виднелись очертания Москвы. Можайский тракт прямой широкой полосой бежал вдоль берега реки и делил Дорогомилово пополам – тринадцать ямских дворов жалось к обочине слева, и ровно столько же длинной цепью растянулось вдоль другой стороны. За околицей слободки санный большак крутым поворотом пошёл вправо и, проскользнув меж истоком Тёп-

лого ручья и Песочной протокой, выбрался на Сполье. Там, за две неполных версты плавным зигзагом обогнул десяток мелких рощиц, и меж Обыденским городищем и Хлыновским селцом вышел к Черторьюю.

Стремительный поток уже сбросил оковы зимы, и внешние воды оглушительно ревели в тёмных недрах страшного разлома. Буерак всего-то три сажени шириной уходил в такую глубину, словно пробивший его ручей хотел спрятаться под землю — как можно дальше от света и ближе к чертям. Потому и звали его Черторый. Правый, спольный берег оврага уже чернел пятнами грязных проталин; местами за край обрыва цеплялись остатки чахлых берёз и крутой склон под ними бугрился узлами мёртвых корней; но рядом покатая осыпь желтела ковром из сухой прошлогодней травы. А с другой, городской стороны заснеженный склон продолжался отвесной стеной рукотворного вала, что тянулся вдоль Черторья от самых истоков во чреве Козьего болота до устья на Москве-реке. На широком плоском гребне из остатков зимнего покрова торчали куски обугленных брёвен, комья спекшейся земли и валуны, чёрные от сажи. Кое-где в бесформенных грудах золы узнавались скелеты сгоревших тарасов — остатки деревянных стен, что сгнули в страшном пожаре, когда полчища Давлет-Гирея штурмовали город. С тех пор прошло тринадцать лет, но руины на окраине столицы всё ещё напоминали уцелевшим москвичам о тех страшных временах.

Ещё в Вязёмах от Куприяна и разных гостей ямского подворья Иван часто слышал про Смоленские ворота Москвы и представлял их чем-то вроде проезжей башни звенигородского детинца, только шире раза в три и высотой до неба. Потому, стоя на берегу Черторыя, он долго не верил себе, глядя на узкий тоннель, пробитый в толще земляного вала и сверху увенчанный срубом, где в лицевой бревенчатой стене чернели прорезы бойниц.

Через овраг вёл мосток – широкий, без ограды по бокам и со щелями в ладонь между досок настила. В длинном коридоре ворот было тёмно, сыро, воняло плесенью и гнилью, а мостовая из дубовых брёвен оседала на каждом шагу и хлопала под ногами водой. В земляных откосах по бокам зияли ниши, где помещались лавки, столы и костровые чаши, а в их глубине на разном уровне чернели круглые норы, куда человек мог втиснуться, только на четвереньках. К середине жерло прохода сужалось настолько, что просто раскинув руки, Иван кончиками пальцев достал бы разом обе стены, но потом захаб вдруг резко раздался вширь, и уже просторной земляной трубой вывел к Московскому посаду, что стоял на месте древнего вагáнца.

Когда-то давно на пустыре под кремлёвской стеной с иноземных гостей и русских купцов из западных княжеств брали ваганную подать: привезённый товар отправляли с хозяйских телег на большие весы – ваги; по числу пудов считали налог; а после уже грузили на повозки москвичей и уво-

зили в город. С той поры случилось много перемен. Древний ваганец давно снесли. Сначала вместо него был зверинец, где Иван великий напоказ держал невиданных существ из разных концов света. Потом его внук устроил там опричный двор, но спустя десять лет его постройки тоже разобрали и увезли на берег Пресни. А Чертолье отдали ремесленным людям, так что бывший пустырь теперь напоминал кишаший муравейник.

На неполной версте теснились сотни дворов ремесленных слободок. Слева дымили кирпичные трубы плавилен, дышали жаром огромные кузни из покрытого копотью камня. Справа среди штабелей нетесаных лесин, огромных горных хребтов из опилок и стружки таились срубы повозных мастерских. К ним примыкали ряды шорницких коморок и бараки седельных цехов, жались катальни, валяльни, гвоздарни и землянки одиночных кустарей. Они тянулись вдоль Сивцего вражка вплоть до храма Николая Чудотворца, откуда Арбат – мощёная дорога в пять сажений шириной – вела прямо к Кутафьей башне. Её огромный белокаменный цилиндр как на острове стоял среди Неглинки. Когда-то его построили на самом берегу, но потом от реки прорыли широкий канал в обход башни, и теперь её со всех сторон окружала вода. Въездные ворота располагались не прямо, а в боковой стене, так что Ивану пришлось сначала обогнуть башню вдоль рва, миновать дощатый мост с подъёмными цепями и уже в каменном мешке ещё раз повернуть налево, чтобы

двадцать шагов пройти под низким сводом, где зияли щели бойниц и стоки для расплавленной смолы.

Из Кутафьей башни Иван попал на Троицкий мост, что узкой каменной дорогой вёл через Неглинку и на другом её берегу упирался в небольшую стрельню. Кирпичный четверик с зубцами на верхнем краю стены примыкал к Знаменской¹² башне, чей деревянный шатёр над четвёртым ярусом бойниц от земли поднимался на двадцать сажений. Обе постройки внутри насквозь прошил тоннель с тремя герсами¹³ на сорока шагах длины. Пройдя по нему, Иван, наконец, оказался в Кремле, на перекрёстке Житницкой улицы, что прямой стрелой пролегала вдоль всей западной стены цитадели, и Троицкой – начинаясь у подворья Сергиевской лавры, она широкой плавно изогнутой лентой тянулась вплоть до Чудова монастыря.

Путь Ивана лежал на Соборную площадь и, опасаясь заплутать в каменных дебрях Кремля, он спросил дорогу у стрельцов, что несли караул на внутренних воротах Знаменской башни.

— Дык обычно просто всё было. Вот прям по Троицкой пошёл бы, а там направо и почти на месте. Но нынче, видишь, не пройти. – Сообщил один из стражей, тыча пальцем в сторону рогаток, в два ряда закрывших выход с перекрёстка. За первой полосой плотным строем стояли кметы с пи-

¹² Знаменская – ныне Троицкая башня Кремля.

¹³ Герса — подъёмная решётка крепостных ворот.

ками и при саблях, а у второй редкой цепью рассыпался десяток бойцов с ручницами на плечах. — Там, вишь ли, дале Бельского двор и напротив Годунова. А у них нынче разлад с князьями вышел. Да таков, что никому не ведомо, чем кончиться может. Вот и стерегутся. Понатыкали рогаток, не пускают никого. Так что в обход придётся.

Выслушав советы караульных, Иван прошёл до середины Житницкой, оттуда в обход подворья Сергиевской лавры добрался до ограды царского дворца, от её угла свернул в скопище казённых складов, и сквозь их тесноту, дважды потерявшись в паутине малых безымянных переулков, вышел, наконец, к Патриаршему двору у церкви Соловецких чудотворцев. И хотя, блуждая в незнакомых лабиринтах, Иван всё время торопил себя недобрым словом, попав на Соборную площадь, он тут же забыл, ради чего сюда стремился. Глядя на дворец Великого князя с Грановитой палатой и громадой жилых теремов в три этажа под разноцветной крышей, он с ужасом думал, какую же прорву дров за день сжигает эта махина — наверняка, побольше, чем в целом сжигают вязёмские печи за пять месяцев мороза. Потом, разинув рот, смотрел на Благовещенский собор с приделами церквей, что меж собой соединялись крытым переходом — он всё никак не мог поверить, что человек способен построить такое из камня. Затаив дыхание, любовался отражением неба в горящем золоте успенских куполов. Шёпотом повторяя: «Ох, ты ж, глянь», следил за тем, как невесомый облачный пух цеп-

ляется за шпиль Ивановской колокольни, едва различимый в тридцати саженьях над землёй.

И лишь когда главный благовест Руси басовитым гулом возвестил Москве о наступлении полудня, Иван вспомнил, что его привело сюда не просто любопытство.

От Золотого крыльца мимо церкви Святой Богородицы он вышел на Ивановскую площадь как раз там, где начинались дьяковы палаты: десяток каменных зданий, срастаясь торцами, теснились на общем подклете, что целых сто саженьей тянулся вдоль южной крепостной стены. Сами постройки казённый зодчий ставил по единому порядку, так что коробки из серых глыб во всём безлико походили друг на друга: формой кровли, количеством окон и даже их расположением. Но потом каждый приказ сам возводил для себя обособленный вход и старался хоть бы в этом превзойти соседей, а потому ни одно крыльцо не повторялось даже в пустяках. К посольскому вела дюжина флорентийских арок, украшенных резьбой и лепниной; входом в поместный служил крытый переход из медной кровли на десятке каменных колонн; печатный начинался башней с пирамидной крышей, на которой по ветру вращался флюгер в виде круга со львом и единорогом внутри; перед пушкарским домом стелилось гульбище, где могла бы проехать телега; а чтобы попасть в стрелецкий, приходилось сперва подняться по сотне мелких ступеней, и потом уже сойти вниз по крутой лестнице в два пролёта.

Дойдя до середины приказных палат, Иван свернул нале-

во и обогнул Великого Ивана, на задах которого стояла большая изба на высокой каменной подошве, что сейчас едва виднелась из подтаявших сугробов. С верхней части тёсаной крыши снег уже сошёл и по охлупню с весёлым щебетанием прыгали синицы, но за карниз ещё цеплялся нарост из сосулек разного размера. Сталактиты замёрзшей весны сплошным сверкавшим полотном закрывали стену с полудюжиной мелких окошек, затянутых промасленным холстом.

В Ивановской палатке – народ прозвал её так за соседство с колокольной Великого Ивана – обитал десяток бывших подьячих, что потеряли службу в наказание за жадность. На Руси низким чинам испокон века позволяли баловаться мелкой мздой. Знали ведь, что за скудный оклад честно служить никто не будет. Потому начальство приказов обычно смотрело сквозь пальцы на шалости подчинённых. Но порой случалось так, что дворянчик из худородной семьи утрачивал совесть с концами и большую часть посулов начинал сгребать себе в мошну, а дьякам из древних княжеских родов отдавал только жалкие крохи. Такого, конечно, никто не терпел, и наглеца-лихоимца гнали взащей, внося его имя в запретную книгу. Кто попадал туда, тот больше не мог занять казённую должность, но служба их на этом не кончалась. Ибо грамотных людей пока на Руси встречалось немного – один из пяти тысяч с горем пополам умел писать. Между тем с недавних пор по любой нужде в государевы заведения проситель мог явиться только с готовой бумагой – иначе, даже слушать не

станут, с порога погонят прочь. А в приказах повелось такое буквоедство, столько придумали хитростей и крючков, что даже учёный книжник не мог правильно составить челобитье, изложить суть жалобы или подать запрос на тяжбу – в сей бумажной волоките любой самый начитанный умник тонул с головой. И потому всю чернильную рутину решили свалить на бывших подьячих – с паршивой овцы хоть шерсти клок и то дело. Для них срубили избу возле Ивановской колокольни и там опальные служаки за малую плату писали для простых людей бумаги.

Перед палаткой, на пятаке оттаявшей земли, где остатки снега мешались с грязью в чёрно-белую кашу, топтались, зябко ёжась, мужики: среди овчинных полушубков зажиточных горожан мелькали парочка крестьянских зипунов и армяки ремесленного люда. На просторном крыльце с двускатным навесом тоже собрались хлопотуны, но здесь они уже стояли строго друг за другом, в очередь, хвост которой спускался по ступеням.

Иван попытался сосчитать просителей по головам, но после трёх десятков сбился. Глядя со стороны, в уме прикинул, сколько придётся ждать свой час последнему в этой веренице – даже если каждый вперёдистоящий не задержится внутри палатки, а просто зайдёт, скажет пару слов и тут же выйдет, в общей сложности на это ушло б не меньше суток. А уж если здешние писцы тяжелы на руку так же, как единственный вязёмский писарёнок, то ожидание могло бы рас-

тянуться на неделю.

Сунув руку за ворот, Иван нащупал под рубахой оберег из перевитых соломок и, зажав его между пальцев, прочитал короткую молитву на удачу. Закончив, расправил плечи, до передела выпрямил спину, дабы смотреться взрослей и солидней, и, набрав воздуха полную грудь, уверенно зашагал к палатке. Протолкался сквозь толпу, взбежал на крыльцо и, стараясь не смотреть на вереницу ожидавших, ухватился за дверную ручку. Он опасался услышать хор возмущённых голосов, но вместо этого кто-то сказал ему в спину с насмешкой:

— Да пушай себе идёт. Горяч блин, да скоро остынет.

В больших холодных сенях тоже было не протолкнуться. Люди плотной толпой сгрудились у входа, а на лавках у длинных стен, ходатаи сидели так тесно, что между двух соседей не влез бы соломенный стебель. Зато у внутренней двери за просторным столом, где спокойно поместился бы десяток толстопузов, в одиночестве дремал юный пристав – тощий, как сухая хворостинка, он завернулся в огромный тулуп, так что над воротом виднелись лишь глаза и плоский верх лисьей шапки.

Когда подошёл Иван, пристав лениво заворочался в конце тулупа, с раздражённым вздохом отогнул воротник и взглянул на просителя хоть и снизу вверх, а всё же свысока. Цепкий намётанный взгляд скользнул по армяку с заплатками на локтях, верёвке, что заменяла просителю пояс, и чуть

дольше задержался на правом сапоге, чей раскрытый нос поперёк обмотала бечёвка. Юнец качнул головой и, пристально посмотрев в глаза Ивану, сказал лишь одно слово:

— Ну?

Сообразив, чего ждёт пристав, Иван сорвал треух и, не сразу, недолго помявшись, потом всё же опустил голову в поклоне. Пристав на это кивнул с усмешкой и сладко зевнул, тихо хрюкнув в конце.

— Куды ентак бежишь, торопыга? – Пробормотал он, плотней запахивая полы шубы. – Вишь, сколь людей свой черёд ждут, не ропщут.

— Мне ждать недосуг. – Ответил Иван и гордо приосанился, чтоб скрыть волнение. – Мне спехом надо.

— Спехом? – Равнодушно спросил пристав уже сквозь надвигавшуюся дрёму. Шмыгнув носом, он сдвинул плечи кшее, чтобы ворот тулупа стал выше, и монотонно забубнил явно привычную, давно заученную речь – Спехом это хорошо, это похвально. Время-то дороже злата будет. Токмо ведомо тебе, что сани просто так не едут? Дабы полозья добром скользили их смазать надобно. Да погуще чтоб. Чем жирнее смазка, тем быстрее езда. То-то.

Перебирая пальцами треух, Иван нашупал в лопасти две последних новгородки. Чтобы выкупить Сивку уже сейчас пришлось бы отдать конюху втрое больше, а на мзду обитателям палатки и все пошлины в государеву казну вовсе требовалась целая полтина. Так что беречь монеты дальше бы-

ло ни к чему.

Иван со вздохом просунул палец в прорезь по шву, ковырнул из лопасти две серебряных кругляшки и бросил их на стол. Драгоценный металл тихо звякнул о струганные доски и при знакомом звуке пристав тут же проснулся. Встрепенувшись, он выпростал из рукава тулупа правую ладонь и торопливо накрыл ею деньги. Другой рукой выудил откуда-то кошель с уже развязанной горловиной. Под сиплый выдох в плотоядной улыбке показал ряд кривых жёлтых зубов и одним коротким движением смахнул новгородки в мошну.

— Ну, коли так, тады конечно.

Он всем телом подался вперёд, не вставая, по лавке скользнул ближе ко входу, и, вытянув длинную худую ногу, мягко толкнул ею дверь, что открывалась внутрь. Из открытого проёма пахнуло кислым потом. Тепло густым туманом хлынуло в сени, за клубилось вдоль стен, кружевом из тонких прядей потянулось к потолку.

— Захар Михалыч. Тута вот проситель. – Гнусаво крикнул пристав и, подмигнув Ивану с заговорщицким видом, многозначительно добавил. – С о-о-очень важным делом.

— Ну, коль с важным, так пущай проходит. – Изнутри донесся простуженный голос, сипевший на сильно растянутых гласных.

Иван перешагнул порог и, прикрыв за собой дверь, огляделся. Горница тонула в полутьме. Солнечных лучей, что проникали сквозь три маленьких окошка, хватало только

чтобы осветить кусок бревенчатой стены и торец огромного стола. На другом его конце стоял массивный бронзовый светильник с пятью лучинами, что держались на изогнутых прутках с раздвоенным клювом. Рядом, с одной стороны стола в просительной позе сгорбился мужичок с опалённой бородкой и россыпью чёрных точек на лице – верная примета кузнеца. Против него среди кипы бумаг и свёрнутых трубочкой грамот восседал грузный человек с оплывшим лицом и щелками глаз, отёкших от чрезмерных возлияний. Он неспешно водил пером и после каждой строчки закатывал глаза, изображая раздумья. Поодаль смутно виднелись ещё силуэты, но рассмотреть их Иван не успел. Из мрака дальнего угла, где едва различалась белёная кладка печи, появился паренёк лет двадцати пяти, не старше. Его лицо с длинной узкой бородкой, спутанный кончик которой был выпачкан в чернилах, отливало желтизной – Иван принял бы его за восковую маску, если б не большие карие глаза, что беспокойно метались по сторонам, будто Захар Михайлович что-то искал. Под жалобный скрип половиц он неспешно прошаркал к столу, откинул полы кафтана и, тяжело плюхнувшись на лавку, протянул ноги в татарских ичигах к маленькой жаровне, в железном нутре которой потрескивал калёный уголь.

— Ну, подходи, чего столбом замер? – Недовольно пробасил он. – Видал, снаружи сколь народу ждёт? Так что не тяни чужое время.

Иван рукавом вытер со лба пот и на ватных от волнения

ногах подошёл к столу. Огляделся в поисках скамьи, лавки или просто посидёнки, но ничего не обнаружил. Тем временем пристав положил перед собой чистый лист бумаги, а вдоль его края расставил каламарь¹⁴ из глины, деревянный стакан с дюжиной гусиных перьев и солонку с речным песком для просушки чернил.

— Ну, поведай, что привело? – Спросил он, вроде бы глядя на Ивана, хотя тот никак не мог поймать его взгляд. – Куды чего писать будем?

Иван коротко пересказал всю историю своей жизни – от гибели отца семь лет назад до вчерашней поездки в Звенигород на верстание. Захар Михайлович выслушал, не перебив ни разу, а потом сунул мясистую руку под стул и выудил оттуда ещё два листа серой бумаги с неровным надорванным краем.

— Эдак тебе, малец, в три приказа жалобиться можно. – Он поднял свободную руку и стал загибать пальцы, перечисляя. – В поместный, что без земли оставили, не обверстали. В судебный, дескать, против правды битьё учинили. Ну, и в челобитный, ясно дело. Туды непременно надоть, коли против сильного идёшь. Ну, что скажешь?

Иван растерянно пожал плечами – слушая пристава, он думал совсем о другом.

— Да тут, мил человек ещё заковыка есть. – Смущённо на-

¹⁴ Каламарь – сосуд для хранения и переноски чернил. Название происходит от греческого «калам» — «заточенные палочки для письма».

чал он, тоже забежав глазами. — У меня прям нынче же уплаты нет.

— Чего? — Удивился Захар Михайлович и потрянул головой, словно не верил собственным ушам. — Это как же? А почто ж ты здесь?

— Дак я вишь чего. Мне по всему, как по закону обверстают, ещё вспоможенье дадут. Рублей пять, не мене. Так я бы с них и вернул.

— Да ты нешто белены объелся? С таким ко мне прийти. — Простуженный голос прогремел на весь покой, два десятка глаза тут же с интересом устремились на Ивана и тот зажмурился, словно его ударили под дых. — Это где же видано такое, дабы государевы бумаги в долг писать.

— Так были при мне деньги. Разве я не понимаю. — Попытался оправдаться Иван. — Да, вишь ли, конь в дороге занедужил. Он уж старый вовсе стал. Я отдых дал бы, да Куприян скорым делом ехал, пришлось сразу же, как оттуда...

— Ты чего плетёшь тут? — Прорычал Захар Михайлович уже тихо, сквозь зубы, но Иван сморщился так, будто не мог терпеть истошного крика. — Какой конь? Овёс, Куприян. Мне нешто сие знать потребно?

— Так я же объясняю, с чего денег-то не стало. А нынче, коли так, как же мне до Вязём вернуться, не солоно хлебавши. Я ж тады вовсе...

— А мне какое дело? — Пристав грохнул о стол сразу двумя кулаками и даже чуть привстал, словно хотел схватить

Ивана за грудки. — Ну-ка, пошёл вон отсель, побирушка. Коль нету денег, так и неча попусту людей тревожить. Вон!

— Да я же всё сполна отдам. — Не сдавался Иван, зачем-то перейдя на шёпот. — Едва вспоможение получу, так сразу. Коли на слово не веришь, так кабалу давай напишем. Хошь, с лихвой верну даже. В четверть. Даже в треть, ну.

— Во-о-о-о-он!!! — Заорал пристав, поднимаясь во весь рост.

Иван выскочил в сени красный, как сваренный рак. Лишь за порогом обнаружил, что оставил шапку на столе, но возвращаться за ней не решился. В отчаянии вспомнил про две последних новгородки, что уплатил за проход без ожидания. Подумал, было, попытаться их вернуть, раз уж всё обернулось конфузом, но стол, где прежде сидел пристав, оказался пуст. Иван осмотрел сени, набитые людьми, но юнец в тупе словно в воду канул и, чувствуя, как слёзы против воли навернулись на глаза, чтобы не расплакаться при всех, он выскочил прочь из палатки. На крыльце растолкал очередь локтями, и побежал вниз через три ступени разом.

— Ну, я же говорил, быстро остынет. — Авторитетно заявил ему вслед тот же голос, что чуть раньше говорил про блин. — Я уж не впервые тут. Один раз вовсе неделю безотходно торчал. Так что на этих скороспелок глаз намётан у меня. Издаля ещё видать.

Сбежав с крыльца, Иван с трудом сдержал рвущийся наружу крик и в полушёпот обругал себя последними словами.

Зачем он не послушал мать? Куда поехал? Что надеялся найти в этой проклятой Москве? Правду? Справедливость? А нашёл себе на голову несчастий. Впустую просадил последние деньги семейства и теперь, уже считай с концом угробил Сивку – обрёк старого друга пойти под нож мясника. И как с таким грузом вернуться домой? Как посмотреть в материнские глаза и без того не просыхавшие от слёз?

Простонав, Иван до крови прикусил губы, чтобы не рыдаться, и едва переставляя ноги, уже двинулся, было, от крыльца палатки прочь, как вдруг где-то в стороне раздался незнакомый голос:

— Ей, малец, не спеши, погодь-ка.

Глава пятая

Иван огляделся, не сразу заметив мужчину лет тридцати, что стоял в стороне ото всех, плечом навалившись на угол сруба. Лица он почти не разглядел из-за низко надвинутой шапки с пушистой лисьей оторочкой, но распахнутый овечий полушубок открывал взгляду синий кафтан с пятью рядами золотистых разговоров¹⁵, и тонкий кожаный пояс, на котором висел объёмный и туго набитый кошель.

¹⁵ Разговоры – декоративные элементы в виде нашитых на одежду поперечных полосок или клапанов с обмётанной прорезью для пуговицы.

Когда взгляд Ивана остановился на незнакомце, тот кивнул, подтверждая, что именно он просил задержаться. Он движением плеча оттолкнулся от стены, в три неспешных, тягучих, но очень длинных шага подошёл к Ивану и, как опытный мастер перед важным делом потёр друг о друга ладони – узкие, сухие, с буграми вен на тыльной стороне. Из крепкого поджарого тела торчала длинная тонкая шея с головой, напоминавшей морду собаки: нижняя челюсть в поросли длинной щетины сильно выпирала вперёд; верхняя безусая губа топорщилась из-за шрама, что рассекал её пополам, и словно в угрожающем оскале обнажала кончики зубов; круглый задранный нос, казалось, всё время настороженно нюхал воздух; а большие мясистые уши не торчали в сторону, как обычно бывает у лопоухих, а вытянулись вверх и на изгибе раковин едва заметно заострились. И всё это дополнял пронзительный взгляд карих глаз. Когда они смотрели, не моргая, на Ивана, тому казалось, что к щекам, заледенелым на весеннем морозце, приложили горячие камни.

— Слышал я про беду твою, малец. – Заговорил, наконец, незнакомец, когда Иван под его пристальным взглядом уже стал тревожиться не в шутку. – Вот, пособить тебе хочу.

— Слышал? – Переспросил растерянный Иван, стараясь вспомнить, не видел ли этого типа в палатке. – Как? Откуда? Незнакомец криво усмехнулся.

— Сорока на хвосте принесла. О, вот и она, к слову.

Из-за угла палатки появился юный пристав, что сидел в сенях. Он торопливо шагал на длинных и худых ногах по узкой тропке оттаявшей земли, петлявшей меж остатков сугробов, и полы тулупа – слишком большого для столь щуплой фигуры – следом волочились по грязи. А сразу за ним, стараясь не наступить на край его одежды, быстро семенил низкорослый богатырь – даже в простом облегающем кафтане плечами он казался вдвое шире пристава, закутанного в кокон из меха, но при этом ростом едва доставал ему до груди.

Подойдя к незнакомцу, пристав смущённо улыбнулся и по-собачьи заглянул ему в глаза, так что Иван невольно усомнился: может, он перепутал, ошибся, и перед ним сейчас не тот юный служитель палатки, что совсем недавно так дерзко говорил с ним в сенях и держался столь высокомерно.

— Демьян Данилыч. – Тихо произнёс пристав, чуть не плача, и в умоляющем жесте сложил дрожащие ладони. – Ты обещался его отпустить, коли товар тебе сыщу. Вот, я свой уговор исполнил. Молю, отпусти же.

Демьян скривил губы и с прищуром посмотрел на юнца. Потом цокнул языком и заговорил медленно, будто каждое слово давалось ему с великим трудом:

— Обещался, Федюня, спору нету. Но токмо за добрый товар, подходящий. – Он бросил короткий внимательный взгляд на Ивана и дёрнул верхней искорёженной губой. – А про сего мальчика поколь неведомо такого. Может, он мне без

нужды вовсе.

— Да верно говорю, Демьян Данилыч. — Оживился пристав. В порыве он даже вцепился в рукав полушубка, но едва Демьян чуть повёл бровью, Федюня спохватился, тут же отступил и вжал голову в плечи, словно ждал удара. Тяжело сглотнув, он потупился и продолжил торопливо. — Сам слышал, как он подьячим толковал, дескать, на Василь Петровича Заславского челом бить хочет. Тот ему в верстании без закона отказал, да ещё побой прилюдно устроил.

Демьян посмотрел на Ивана с явным интересом, задержав цепкий внимательный взгляд на синяке под глазом и шейной повязке, край которой виднелся над воротом армяка. Сам этот странный непонятный человек как-то вмиг подобрался, словно готовился к прыжку, и, чуть вздёрнув подбородок, потянул носом воздух, как делает гончий пёс, чуя запах добычи.

— Ладно, коли так. — Со вздохом согласился он и по-хозяйски обратился к низкорозлику, что всё это время молча топтался рядом. — Крепыш, сходи с ним в наши казематы, пушай выпустят братца. Скажешь, дескать, Угрюмцев приказал. Ступайте.

— Спаси бог тебя, Демьян Данилыч. — Затараторил Федюня, кланяясь на каждом слове.

— Но учти, друг ситный. В другой раз попадётесь, подвалом уж не обойдётся. За два разá тады спрошу с обоих. Ясно? — Сурово высказал Демьян и пристав, уже глотая слёзы,

часто закивал. Демьян качнул головой и строго добавил. — И про уговор наш никому ни слова. Не то гляди.

— Само собой, Демьян Данилыч. — Пятясь и, продолжая кланяться, заверил Федюня. — Нешто я не понимаю. Могила, Демьян Данилыч. Под пытками не скажу. Спаси тебя бог за доброту твою. Спаси бог.

Кончилось всё тем, что Крепыш потерял терпение, взял пристава за ворот, едва до него дотянувшись, и потащил прочь. Глядя им вслед, Демьян Данилович Угрюмцев сунул руку под полушубок и погрузил три пальца — большой, указательный, безымянный — в тот самый кошель. Покопавшись там, он выудил из мошны дикую лещину¹⁶и, пристально глядя на Ивана, с задумчивым видом принялся катать орешек меж подушечек пальцев.

— Что ж. А с тобой, малец, давай, теперя потолкуем.

Иван следил за всем происходящим, как заворожённый. Он не понимал, что происходит и как это всё касается его. А потому, оставшись с Демьяном наедине, он первым делом подумал, что надо бежать. Прямо сейчас, ничего не говоря, сорваться с места и бежать без оглядки так далеко, чтобы этот странный пугающий человек никогда его не нашёл бы. Но когда взгляд его уже заметался по ближайшим переулкам, намечая путь бегства, Угрюмцев вдруг улыбнулся и спросил мягко, дружелюбно, совсем не так, как только что он говорил

¹⁶ Лещина или лесной орех — листопадный кустарник с плодами в виде мелких орешков.

с приставом Ивановской палатки:

— Есть, небось, хочешь?

Растерявшись от столь резкой перемены, Иван сглотнул слюну, за миг наполнившую рот, и невольно облизнул сухие губы. Последний раз домашними харчами он подкрепился в прошлый вечер и с тех пор не съел даже маленькой хлебной крошки. Без труда угадав его мысли, Демьян снисходительно усмехнулся.

— Ну, тады пошли. Отведу тебя в одно местечко. Там накормят от души и спать уложат. Притомился, небось, за такой день суматошный, верно?

Демьян развернулся и двинулся к Ивановской колокольне, чей смутный силуэт едва виднелся в сумерках заката. Иван уже шагнул за ним, но потом вдруг остановился. Его замешательство почти прошло, в голове просветлело и даже стали появляться мысли. Так что, окликнув Демьяна, который отошёл уже на две сажени, Иван настороженно спросил:

— А взамен что?

Обернувшись, Демьян улыбался всё так же непринуждённо, но пальцы вдруг побелели от напряжения, и в следующий миг толстая корка ореха с хрустом распалась на половинки. Угрюмцев в одно ловкое движение сбросил осколки на пол и, сдув с ядрышка крошки скорлупы, отправил лакомство в рот.

— Да ничего такого. — Сказал он, снова подходя к Ивану вплотную. — Всё, что хотел в челобитной изложить, всё то

же самое и скажешь. Токмо не здесь вот, и не нынче. За то получишь два рубля олафы и на том всё, ехай восвояси.

— Всё? – Недоверчиво переспросил Иван. В чудеса из бабушкиных сказок он перестал верить лет десять назад, потому сейчас слова Демьяна вызывали подозрение. – А почему не здесь, не сейчас? Где ж тогда? И ещё... – Иван на миг заколебался, решая, стоит ли такое говорить или сейчас лучше промолчать об этом. Но после недолгого раздумья, всё же шмыгнул носом и, глубоко вдохнув, решительно отчеканил. – Тебе с чего далось мне помогать? Да ещё два рубля сулить добавок?

— Ой, друг ситный, про то лучше не спрашай, а не то ведь узнаешь. – Сказал Демьян с такой улыбкой, что у Ивана пробежал мороз по коже. Угрюмцев опять запустил руку в кошелёк и достал новый орешек. – А во многом знании, много печали. Это один мудрец так сказывал. Давно жил, нас тады не родилась даже, но в жизни кой-чего понимал всё же. Паскуда. Подвесить бы его на дыбу, чтоб мудростью поделился, да не выйдет уж.

— Так как же мне вслепую на такое соглашаться? – Спросил Иван, не в силах оторвать взгляд от лещины, что мелькала меж пальцев Демьяна. – Это ж разве дело?

— Хм, про то мудрец ничё не сказывал, не знаю. – Угрюмцев пожал одним плечом с таким видом, будто его всё это не касалось, но всмятку сдавленный орешек при этом хрустнул так громко, что Иван испуганно вздрогнул.

Угрюмцев, зашипев от боли, с тихой руганью раскрошил остатки ядрышка на землю, морщась, осмотрел большой палец, слизал с его ногтя капельку крови и, тяжело протяжно вздохнув, полез в мошну за новой лещиной.

— Ладно. Коли так, я скажу, мне не жалко. — Он зажал орешек в двух пальцах и внимательно осмотрел его на просвет, словно хотел узнать, что спрятано внутри, под скорлупой. — А вот ты учти, друг ситный. Коль я тебе нынче всё открою, тады пути назад уже не будет. Либо дале заодно со мной пойдёшь и что надо мне исполнишь. Либо... — Дёрнув желваками, Демьян сомкнул пальцы и скорлупа орешка распалась на части. — Тады уж извиняй, друг ситный. Но таково дело, что впопят пустить тебя не смогу.

В груди Ивана вдруг так заколотилось сердце, что стук его заглушил все остальные звуки, и мир вокруг на несколько мгновений растворился в красной пелене перед глазами. Дыхание участилось до предела, к горлу подкатил липкий ком тошноты и, с трудом устояв на задрожавших, подогнувшихся ногах, Иван уже пару раз мотнул головой, чтобы обозначить отказ. Но в это время среди гулкой тишины внутри его сознания отчётливо прозвучало: два рубля олафы. И это сработало как заклинание. Пред мысленным взором тут же возник Сивка, что ждал его сейчас в чужой конюшне, пока рядом, у открытых ворот стояла мясник в забрызганной кровью сорочке правил на точильном камне нож.

— А-а-а вот... — Нерешительно протянул Иван. — Два руб-

ля точно будет?

— Хех, запомни, Ваня, друг мой ситный. — Орешек бесшумно прокатился по всем пальцам Демьяна, от мизинца до большого и обратно. — Демьян Угрюмцев слово держит. Коли сказал, что два рубля, так не чешуйкой меньше. Так что решайся. Коль согласен, так через два дня всё, как есть, расскажешь, возьмёшь олафу и... Дуй отселя ветром. А коли нет... — Он вдруг подбросил орешек и, поймав его на ладонь, отправил обратно в мошну. — Так на то и суда нет. Ворота поколь открыты, тебя никто не держит. Ну? Чего скажешь?

Но Иван уже не мог думать о чём-то другом, кроме двух рублей награды. Получив такие деньги, он мог бы в лучшем виде справить нужные бумаги, без всякой волокиты сдать их в приказы, а потом выкупить Сивку и без оглядки поскакать домой. А что бы так всё и вышло нужно было-то всего лишь кому-то рассказать всё то же самое, что он уже много раз говорил другим. Так о чём же тут думать? В чём сомневаться?

И за один выдох выгнав весь воздух из лёгких, Иван тв

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.